

КОНСТАНТИН
ФРЕС

НЕВЕСТА В БЕГАХ

Гуси, грядки... герцог?!

Константин Фрес

**Невеста в бегах. Гуси,
грядки... герцог?!**

«Литнет»

2024

Фрес К.

Невеста в бегах. Гуси, грядки... герцог?! / К. Фрес — «Литнет», 2024

Хорош женишок, которого нашли красавице Эстелле родители! Он убил ее на первом же свидании. А я нечаянно попала в ее тело. Родители Эстеллы разорены, проигрались в карты. Поэтому они продали дочку садисту-женишку и взяли у него деньги за красавицу жену. Но я-то замуж за этого живодера не собираюсь! Так что мне пришлось удирать от него, когда он снова собрался «приласкать» меня по-свойски. Назад, в отчий дом, дороги нет. Придется мне выживать самостоятельно и искать работу. Даже самую грязную. И вот как кстати ферма подвернулась... Гуси? Что ж, буду пасти гусей. Грядки? Что ж, и грядки стану поливать. В этом мире я найду свое место и проживу скромную и спокойную жизнь.... А это что еще за тип в цилиндре шляется по моему огороду?! #юмор #сногшибательная и эпатажная курица Петрович!! #ХЭ Спешите увидеть! Новая история!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1

— Итак, ты выйдешь замуж за Густава Октавиана Третьего, и это не обсуждается. От ужаса мурашки бегут у меня по спине.

Я забываю, как дышать. Смотрю во все глаза на мать с отцом.

— Это что, шутка такая?! — лепечу я, переводя взгляд с одного лица на другое.

Но, кажется, они вполне серьезны.

Мать поджимает подкрашенные губы. Она пьет утренний чай мелкими глоточками, стараясь не повредить макияж.

Ее лицо набелено, как свежештукатуренная стена.

Волосы собраны в прическу, похожу на морскую пену в шторм.

И тоже присыпаны белой пудрой.

Новое платье из нежно-розового шелка блестит на солнце.

— Мама, — лепечу я еле ворочающимся языком.

А сама просто застываю от ужаса.

— Что «мама»? — огрызается она. — Сегодня он придет на смотрины. Будь с ним пожеливее!

Прячет взгляд.

А у самой щеки и уши пылают. Это видно даже через три слоя белил.

— Ты уже взрослая, — продолжает она сухо и холодно. — И должна разделять тяготы семьи. Мы разорены. И иного способа поправить наше положение нет. Он обещал довольно кругленькую сумму, если ты согласишься стать его женой.

— Нет иного выхода?! — кричу я. — Только меня продать, как корову?!

— Что за выражения, юная леди! — грохочет отец.

Но после той новости, которую они мне сообщили, его гнев мне не страшен.

Самое страшное со мной уже произошло.

Они отдают меня этому... Октавиану!

Я видела его всего пару раз.

И только однажды говорила с ним.

А еще один раз подала ему платок, чтоб он смог утереть красную сопливую физиономию.

Густав Октавиан — баронет. Не самый знатный человек в округе, но определенно самый богатый.

А еще он безумен, как мешок с кошками.

У него невероятно уродливое, ненормальное лицо. Глаза расширены, словно он падает в пропасть и тарасит их изо всех сил.

Он пускает слюни и сопلي. Остатки рыжих волос обрамляют его блестящую лысину.

А когда он отрывает насекомым лапки, его обрюзгшие щеки трясутся от злобной радости.

И, думаю, насекомыми он не ограничивается.

Просто на балу, где я застала его за этим занятием, не было мышек и лягушек, чтоб как следует развлечь баронета.

Единственный опекун Густава Октавиана — его отец. Старенький, как позапрошлый век. И такой же полубезумный, как сын.

Только Густав не притворяется добреньким. У него для этого мозгов маловато.

Папаша баронета Густава Третьего хихикает невпопад, часто потирает ручки и повторяет что мечтает о внуках.

А иногда, когда никто не видит, норовит облапить девиц за зад.

...И этим двум извращенцам в дом меня собираются отдать мои родители?!..

— Да он же задушит меня в первую брачную ночь! — со слезами на глазах лепечу я. — Только затем, чтоб послушать, как я пишу!

Если Густаву взбредет в голову так поступить, его папаша никак не поможет мне.

Боюсь, он будет присутствовать, тихонечко сидя в углу, хихикая и потирая ручки.

— Не преувеличивай, — безразлично отмахивается от меня мать. — Ну, помнет немного... Может, поколотить чуток. Но первые брачные ночи никому еще радости не принесли. Таков женский долг — подарить себя на радость мужу.

— Я прекрасно знаю, какую радость должна принести жена своему мужу! — кричу я. — Но речь идет об убийстве!

— Ты слишком нервна, — произнес отец.

И тоже спрятал взгляд.

— Да что вы несете такое! — взвилась я. — Опомнитесь! Вы получите деньги за свое согласие, а я?.. Что я получу?! Мне-то зачем это надо?

— Ты получишь самого богатого мужа в округе, — произнес отец.

— Неблагодарная! — фыркает мать.

— Если так хочешь богатства, то сама и выходи за этого... Густава!

— Как ты смеешь так разговаривать с матерью, паршивка!

— Я паршивка?! Позвольте вам напомнить, что разорились-то вы! Это ваша страсть к азартным играм и скачкам довела нас до нужды! Это вы промотали состояние! Так почему за ваши грехи должна расплачиваться я?

— Нет, это невозможно! — воскликнула мать, подсакивая.

Она ставила на скачках больше отца. И проигрывала тоже больше него.

В карты она тоже любила играть. В салонах только этим и занималась.

Но играть она не умела. Ее игра — все равно что перья из веера выщипывать и ими крыть козырей.

Словом, праздный образ жизни быстро привел моих родителей к разорению.

Сначала они распродавали драгоценности, потом мебель.

Время от времени отец пытался отыгаться.

И иногда в его руках появлялись деньги. Но очень ненадолго.

Теперь, стало быть, и до меня дошла очередь.

Продадут меня как золоченую раму.

Мать встрепелась.

— Вы слышите?! — закричала она взволновано. — Приехал, приехал! Он приехал!

От волнения она даже чашку мимо блюда поставила.

— Эстелла! — задыхаясь, зашептала она, подскочив. — Что ты сидишь?! Давай, давай, поднимайся! Приведи себя в порядок, волосы поправь! Горе ты мое! И улыбайся, все время улыбайся!

— Да с чего мне улыбаться?! — возмутилась я. — Не пойду я за Густава!

Мать тотчас прекратила суетиться и глянула на меня.

Глаза у нее были какие-то мертвые.

Она всегда так смотрела, когда проигрывала.

Или когда не играла слишком долго.

Ее словно сжигало изнутри. Пожирало ненасытное желание развлечений.

Она словно высыхала от голода и жажды.

И я поняла, что она скорее пожертвует мной, чем упустит возможность получить деньги и утолить свою жажду.

— Ты сделаешь то, — мертвым голосом чеканит она, — что я тебе велю. Ну, пошла... скотина!

Последнее слово она прошипела тихо и яростно.

Так, что кровь стыла в жилах.

— Еще одно слово, — иступленно продолжила она, глядя на меня так жутко, что я кожей ощутила ее безумие и ее ломку, — и я изломаю тебе руки своей тростью! Я вышибу тебе глаза! Я...

— Магда! — одернул ее отец. — Ты пугаешь нашу девочку. Не надо! Она умница. Она все сделает правильно. Сама.

Говорит добрые, мягкие слова. А взгляд такой же, как у матери. Пустой взгляд оголодавшего хищника.

Он растерзает меня так же, как она, если я не подчинюсь.

— Пошла, пошла! — шипит мать, тыча мне в спину острым наконечником трости.

И мне ничего не остается делать, как подчиниться.

«Ну, ничего, — думаю я, на деревянных ногах шагая по дорожке навстречу гостям. — Может, он просто урод? И не такой уж садист... ну, может просто страдает. Так уж вышло. И жениться, может, хочет в надежде, что я его пойму и приму... Как Красавица и Чудовище. И тогда он раскроет мне свою чуткую и ранимую душу...»

Но раскрытие души не удалось.

Глава 2

На подъездной аллее остановилась красивая изящная карета. Взмывленные лошади тревожно прыдали ушами, а я стояла, как вкопанная, в ожидании, когда мой жених соизволит выйти.

После непродолжительной паузы там послышалась отчаянная возня. Ругань и шлепки, словно кто-то кому-то навешивал оплеух.

Потом все стихло.

Дверца кареты распахнулась, и прямо мне под ноги с диким криком вывалилась курица.

Полуоципанная, лысая и облезлая курица с самыми безумными глазами, какие только возможны.

Она упала на лысую грудь, растопырив лысые крылья, и заорала не своим голосом, глядя на меня полным ужаса взглядом.

Собрав остатки сил, она подскочила и рванула в сад, вытягивая шею.

Шея была словно резиновая, изредка покрытая перьями.

Сердце мое ушло в пятки.

Ну, ясно.

Женишок по пути к невесте развлекался.

Мучил бедную птицу, вырывал ей перья.

Я почувствовала, как меня мутит. То ли от зноя, то ли от нервного напряжения в глазах все поплыло. Я отшатнулась от кареты.

На хрустящий гравий тотчас вывалились дорогие гости.

Дебильный Густав с самым злобным, с самым скотским выражением на лице, и его папаша.

Папаша, не стесняясь меня, несколько раз с остервенением ударил сына собачьей плетью.

Густав Октавиан взвизгнул, пряча за спину руки, облепленные перьями.

Папаша ухватил его за воротник, словно за ошейник, и несколько раз встряхнул.

А потом обернулся ко мне со своей мерзкой сладкой улыбочкой и поклонился, шаркнув ножкой.

— Доброго дня, милейшая, — проскрипел он.

Господи, как я хотела удрать в этот момент!

Подобно несчастной курице, я сделала пару шагов назад, желая скрыться в кустах.

Но наткнулась на мать.

А та уж подтолкнула меня вперед, к этим двум чудовищам.

— Мы так рады, мы так рады! — защебетала она. — Милый Густав, вы устали? Вижу, дорога утомила вас!

Густав с ненавистью смотрел на всех нас и скалил зубы.

— Да что вы! — воскликнул старенький папаша Густава. — Он силен, как бык! Он мог пешком добежать сюда и не запыхаться!

И он снова хлестнул плетью Густава.

Тот нервно вздрогнул и заученно поклонился.

Мать захлопала в ладоши.

— О, какой галантный! — заверещала она в полном восторге. — А как вы думаете, дорогой сосед, не оставить ли нам молодых наедине? Поворковать?

— Н-нет, — только и смогла выдавить я, глядя на женишка расширенными от ужаса глазами.

Но папаше Густава это предложение понравилось.

— Да, да! — воскликнул он, звучно хлопнув себя по ляжке. — Густаву не терпится познакомиться с невестой поближе! Он хочет проявить себя с самой хорошей стороны. Ведь так, Густав?

И старикашка многозначительно показал сынку плеть.

Густав осклабился, заворчал, как зверь.

Но послушно поклонился мне и шаркнул ножкой.

И подал ручку калачиком.

Я, ни жива, ни мертва, глянула на мать.

— Бери его под руку! — зашипела то, делая страшные глаза. — Живо!

И она взмахнула своей палкой.

Делать нечего.

Ничего не чувствующей рукой я взяла его под локоть, а мой отец подтолкнул нас в сторону сада, как лодку.

И мы побрели к беседке...

Густав шел ровно, маршируя, как солдат, и пыхтя сквозь сжатые зубы, словно ему дышать было трудно.

Он смотрел прямо перед собой и напоминал шагающую заводную игрушку.

Словно в него заложили программу, и он четко следует ей.

— Прекрасная погода сегодня, — пролепетала я робко, волочась за ним.

Шаг у него был широкий. Я еле поспевала.

Мое невинное замечание почему-то разозлило его.

Словно песчинка, попавшая в шестеренки его механизма.

Он рыкнул, тряхнул головой, и снова зашагал по дорожке, быстрее и яростнее.

— Хорош добрались, — робко вякнула я.

Густав снова рыкнул и сбился с шага, засеменял.

Теперь мы шли чуть медленнее, а он затравленно оглядывался по сторонам, будто не понимая, что ему теперь надо делать.

Но, кажется, он просто отыскивал взглядом отца.

И не находил.

Пере моим взором явилась беседка, увитая лентами и украшенная розами. Жалкое подобие романтической обстановки!

— Зайдем туда! — прошептала я в страхе.

Я прекрасно понимала, что эту беседку подготовили мои родители, чтоб Густав там мог объясниться мне в любви.

Но у него были свои планы на это вечер.

Озираясь по сторонам, он понял, что его отец с плетью где-то потерялся. Нет его. И ничто ему, Густаву, не угрожает.

По его толстым красным губам скользнула поистине адская усмешка.

И он, воровато оглянувшись по сторонам еще раз, вдруг сильно и нестерпимо больно щипнул меня за внутреннюю поверхность локтя.

До багрово-красного синяка.

— Эй, что вы делаете?! — закричала я, отпихнув его от себя.

Он попятился.

Нарядный, весь в кружевах, в новом костюме, в красивых туфлях, он стоял и трясся на дорожке. И был страшнее призрака!

Это было моей фатальной ошибкой.

Как только мой крик, полный боли, взлетел над садом, Густав словно с цепи сорвался.

Ему понравилось мое страдание.

Он зарычал низким утробным голосом, глаза его закатились в экстазе.

Он получал наслаждение от мучения живых существ.
Но одного крика ему был недостаточно.
И потому он, сорвавшись с места, кинулся ко мне.
На миг я увидела, как он гибко пригнулся к земле.
А в следующее мгновение на мой лоб обрушилась яркой вспышкой боль.
И я успела вскрикнуть лишь раз.
И мир погрузился во мрак.

Глава 3

— Да вставай же ты, корова! Сколько можно валяться?!

Кто-то нетерпеливо дергал меня за руку. А я действительно что-то мычала, как корова.

Кажется, язык меня не слушался,

На губах соленый привкус крови.

И голова...

От боли раскалывается голова.

Один висок пульсирует этой болью.

Каждое движение отдается ударом крохотного молоточка в самый эпицентр.

— М-м-м, — тяну я. И понимаю, что хочу выговорить «не могу».

Но не могу.

— Давай, давай! — шипит злобный женский голос.

Рывки усилились и этой женщине удалось поднять меня на ноги.

Я стояла, пошатываясь, глотая воздух.

Волосы мои были мокрые от вылитой на мою несчастную голову воды.

По шее текло что-то горячее, липкое.

Кровь.

Это была кровь.

Я упала и голову разбила?

«Мне разбили», — тотчас поправила я себя.

В памяти вспышкой на миг появилась какая-то гнусная перекошенная рожа и занесенный надо мной камень. Или кирпич — я плохо рассмотрела.

— Что ты разлеглась тут?! — шипела эта неприятная тетка, отряхивая мое платье и отирая воду и кровь с моего лица полотенцем. — Напугала жениха!

Я так и остолбенела.

Этот недоумок с камнем — это же мой жених!

Хотя стоп, почему мой?!

Я же с утра собиралась в библиотеку.

У меня пересдача же в три часа!

А препод, как назло, такой гад! Он относится ко мне предвзято. Предмет я знаю, хоть и не блестяще, но вполне прилично. Получше многих.

Девятову Мишке препод вообще автомат поставил, хотя Мишка ни в зуб ногой.

А меня гонял не только по билету, но и по всему учебнику. Целый час!

Придирался к каждой букве. По его высокомерной физиономии было видно, что он просто издевается и жаждет меня завалить.

И он завалил.

Дергал, торопил, ехидным голоском спрашивал: «Ты уверена?»

И я стала не уверена даже в том, что знала на отлично.

— Учиться надо, милочка, — поучительно сказал препод мне на прощание, чуть ли не кинув зачетку мне в лицо. — А не прыщи перед зеркалом давить!

Я и так чуть не плакала, а тут еще такое... Ну да, я не красавица, скорее серая мышка. Еще и с кожей проблемы, вечно воспаленные угри и черные точки. Но зачем об этом лишний раз напоминать?

— Это неприлично! — со слезами выкрикнула я. — Говорить такое женщине!

Препод смерил меня насмешливым взглядом.

— Неприлично, — произнес он, — являться на экзамен и нести ту чушь, которую ты несла!

Признаюсь, вылетела из аудитории пробкой, захлебываясь рыданиями.

И на новую пересдачу я идти не хотела. Сколько раз говорила себе: «Лучше бы я умерла, чем снова идти к нему!»

Вот, получается, умерла...

И попала в ситуацию намного хуже.

Я теперь не жалкая студентка-третьекурсница. Я девушка из разорившейся семьи, и меня выдают замуж за этого озверевшего дебила, который любит молотить людей камнями по головам.

— Он ударил меня, — лепечу я. А голос мне не знаком.

Мой голос чуть хрипловатый из-за хронических простуд. И гундосый из-за аденоидов.

А этот, новый голос, красивый и звучный.

— Ну, ударил, так что с того? Это повод устраивать тут представление? Я полчаса тут с тобой вожусь! Дрянная девчонка! Что, внимание захотела привлечь?

— Мама, — шепчу я, понимая, что вот эта тетка в напудренном парике и в персиковом платье — мать той несчастной, в теле которой я оказалась. — Мама, он убил... меня...

Давайте посмотрим правде в глаза.

Просто так в чужие тела не вселяются!

И если я тут очутилась, значит, никого не было дома!

Постойте, а что с моим телом?

Как я его-то покинула?

Вот это остается загадкой.

Последнее, что я помню — это тоска, невероятная, животная тоска, от которой сердце зашлось. Как представила, что снова читать учебник, который я уже наизусть знаю, так и просто отключилась.

Умерла? Похоже на то.

Довел-таки меня этот гад. Сердце не вынесло.

Ему тоже нравилось меня мучить.

Как новоиспеченному женишку — хозяйку этого тела, в которое я попала.

— Убил? — меж тем вскричала мамаша. — Что за глупость! Ах, оставь эту дешевую комедию! Прекрати ломаться, смотреть стыдно! Здесь тебе не театр, а ты — уж далеко не прима! Да и спектакль, который ты устроила, крайне жалкий и паршивый!

— Мама, он ударил меня камнем по голове! — голос мой окреп. — Он хотел меня убить! И поэтому ударил!

— Готова спорить, что ничего такого он не хотел, — сухо и холодно ответила мать, насухо вытирая мое лицо. — Вот же демон, все кудри расплелись... Неряха! Встала бы раньше, не пугала бы мать — и прическа была бы целая!

— Да у меня голова разбита! А ты беспокоишься о прическе?!

Я оттолкнула ее.

Отпихнула что есть сил от себя, чтобы посмотреть внимательно. Чтоб разглядеть ее лицо.

— Как можно быть такой бесчувственной?

На ее лице ни капли сожаления.

И ни тени сомнения.

В этот миг я поняла, что мои жалобы ей безразличны.

Мой страх, мои слезы — она не услышит ничего.

И если б мои мозги разлетелись по садовой дорожке, она смела бы их метелкой в совок, засыпала обратно в голову и впихнула бы меня в таком виде в руки этого ненормального садиста.

Потому что... Деньги.

Деньги она уже взяла.

Это было понятно по ее уверенному, живому взгляду.

Сегодня вечером она поедет кутить.

Она может себе это позволить.

Поэтому ее не ломает и не коржит. Она счастлива и довольна.

А я... что ж, все равно я теперь принадлежу Густаву Октавиану, а не матери и не семье. Какая разница, что он сделает со своей вещью?

— Хватит ломаться, — зло прошипела мать. — Ты не разжалобишь меня своими жалкими кривляньями. И не заставишь изменить моего решения. Если ты сейчас же не пойдешь к Густаву Октавиану и не принесешь извинений за то, что напугала его, я запрю тебя в подвале! Навсегда! И ты не выйдешь оттуда до тех пор, пока не научишься смирению!

— Мама!

— Я буду держать тебя на хлебе и воде! — злобно шипела она. — О, и то не всегда, ведь денег-то не будет! Голодная диета быстро научит тебя покорности! Ты меня поняла?!

Она пребольно дернула меня за волосы.

Будь ее воля, она намотала б мои локоны себе не кулак и несколько раз стукнула меня головой о стену беседки.

В ее глазах читалась ненависть.

— Поняла, — тихо прошептала я.

— Живо привела себя в порядок и к жениху! — шипела мамаша.

Жених топтался рядом. Злой, насупленный.

Папаша его, бодрый старичок, всыпал ему плетей. У жениха были все ладони исчерчены кровавыми полосами, на щеке вспухало рассечение. Женишок тоже жениться не хотел, его заставляли. С большим интересом он выколупал бы мне глаза. Но его принуждали вести себя прилично.

И он страдал.

— Ты поняла меня?! — шипела разъяренной гадюкой мамаша.

— Поняла, — обреченно прошептала я.

— Иди, иди, иди!

Впереди меня маячила украшенная цветами и лентами беседка.

Романтика.

Старичок плетью гнал туда пускающего слюни баронета и откидывал далеко прочь всю мало-мальски крупную гальку.

— Давай!

Я неуверенно шагнула вперед.

Голова все еще кружилась, да и под глазом, на пол-лица, расплывался синяк.

Но кого это волновало!

— Пошла!

Я шагнула по направлению к беседке.

Старикашка с плетью спешно прятался в кустах и тоже что-то шипел своему сыночку.

Наши служанки с корзинами стирального белья жалостливо охали рядом с тропинкой к беседке.

Сжав зубы до боли, я сделала еще шаг.

Наверное, аристократы на гильотину поднимались шустрее, чем я шла к месту очередного свидания с женишком.

Но тут, на мое счастье, к моим ногам из травы выползла ошипанная курица.

Она кролем гребла лысыми крыльями, закатывала глаза, и тянула «ко-ко-ко-о» как «быть или не быть».

— Бедная птичка! — вскричала я.

План созрел в голове молниеносно.

Надо мной препод издевался! А теперь что, я позволю еще и этому дурачку меня бить? Ну уж нет!

— Я сейчас! — воскликнула я, подхватывая несчастную курицу. — Только похороню страдалицу! Видите — она выпускает дух?!

Курица помирать и не думала.

Ну, лысая, ну, испуганная...

Она даже посмотрела на меня, как на дуру. Мол, себя похорони, зомби. Это у тебя голова разбита.

Но я уже подхватила птицу на руки и ломанулась в сад.

Чуть дальше, у пруда, служанки наши сушили стиранное белье. Свои платица в том числе.

И я, подбегая к натянутым веревкам с развешанными на нем сарафанами служанок, дергала нервно шнурки и ленты, чувствуя, как ослабевает корсаж и платье сползает с плеч.

К пруду я добежала, волоча сползшее платье ногами.

Пнула изо всех сил кринолин, и тот, словно подбитый корабль, шлепнулся в заросли кувшинок и пошел ко дну.

Курица в моих руках смотрела на все это вытаращив глаза и раскрыв клюв.

На веревке я раздобыла косынку, старую шаль и почти просохший балахон с тонким пояском.

Быстро закутала лысую несчастную курицу, повязала косынкой волосы и натянула нехитрую одежду.

Меня долго обижали и унижали в той жизни. В этой я и пальцем себя тронуть не позволю!

Значит, надо бежать.

Где-то в беседке недовольно порывивал женишок.

Я слышала, как он расшатывает доски на сидениях. Вероятно, строит планы, как огреет меня доской по спине.

Но этому не бывать! Побег, только побег спасет меня!

Крепко прижимая к себе спасенную курицу, я ломилась сквозь кусты прочь из сада, и где-то впереди, на дороге, мне уже мерещился скрип колес старенькой повозки.

Глава 4

Владелец повозки оказался человеком жалостливым.

Увидев мое перепуганное лицо с синяком на виске, мою растрепанную одежду, он взял меня к себе на воз без лишних вопросов.

Наверное, подумал, что на меня разбойники напали.

Да так оно и было.

От удара камнем в висок я стала редкостной красавицей.

И без зеркала можно было оценить масштаб бедствия.

Вся левая половина лица налилась болью, веко нависло над глазом. Наверное, еще и поси-
нело.

Щека и губы распухли.

Я даже плакать не могла, потому что было больно.

— А есть ли поблизости место, — прошепелявила я, — где можно на работу устроиться?
Мне любая работа сгодится. Жить-то на что-то надо...

Возница оглянулся на меня, зарывшуюся в его сено, перевел взгляд на мою курицу, тор-
чащую из свертка из шали.

— Вероятно, — неуверенно произнес он, — если ты в птицах разбираешься, тебя на
фермах могли бы принять...

— На фермах? Что за фермы?

Возница снова с любопытством на меня глянул.

— Ты издалика, наверное?

— Да, так и есть, — легко согласилась я. — Из далекого... далека.

— Фермы мамыши Ферро, — охотно пояснил возница. Он не прочь был поболтать. —
Там всегда нужны рабочие руки. Только... выдюжишь ли?

Он окинул меня недоверчивым взглядом.

— Больно уж тощая, — поделился возница своими соображениями. — А работа там не
сахар.

— Ничего, выдержу, — я сжала зубы, чтоб не разреветься. Работенка, на которую меня
подряджала маман, была еще тяжелее. И мамаша о моей хрупкости не заботилась.

— Ну, так тому и быть, — ответил возница.

Мы ехали долго, несмотря на его уверения, что фермы матушки Ферро где-то рядом.

Когда начало темнеть, он высадил меня в поле.

За длинной оградой виднелся маленький покосившийся домик. Огороды простирались
до самого горизонта.

— Ну, вот, — он указал на эту хижину. — Это дом работников. Поди туда, спроси, не
нужны ли им помощники.

На прощание он сунул мне в руки узелок с остатками его обеда. Хлеб, немного сыра, три
вареных яйца.

Пару медяков выудил из кармана.

И, подстегнув лошадку, поехал по своим делам дальше.

А я осталась стоять на дороге.

В горле у меня стоял ком.

Этот незнакомый человек сделал для меня больше родной матери. И дал больше нее.
Практически все, что у него было.

Впрочем, горевать было некогда. И я двинула по направлению к домику.

Дом показался мне запущенным, грязным и необитаемым.

Хотя вокруг него огороды были ухожены, лишней травинки не росло.

А в жилище темнота, паутина.

Печь давно погасла, и, кажется, не топилась много дней.

Три дощатых лежанки. Только на одной подобие матраса, тонкого, драного. Остальные пустые.

Нехитрая мебель — стол и лавка. Деревянное ведро в углу, да метла за дверью.

И все.

Если раньше я тревожилась, а пустят ли меня на ночлег, то теперь все сомнения улетучились.

Видно было, что живут тут люди совсем не чванливые. Точнее, один человек.

«Вернется с работы голодный, — размышляла я, стряхивая пыль и крошки со стола, — а я ему ужин... Вот и сговоримся».

Становилось все темнее, а работничек все не шел.

Я успела и воды принести — колодец был рядом с домом, под старой кривой яблоней, — и отмыть стол с лавкой, и нарезать тонкими ломтиками хлеб и сыр.

Зажгла огарочек свечи, чтоб было хоть немного светлее.

А все никого не было.

Я уж начала сомневаться, а живет ли тут кто вообще. Проглядела все глаза в окошко.

Но никого не увидела.

Устав, я уселась за стол, привалилась плечом к стене.

И начала уж задремывать, как вдруг по двору прошелестели быстрые шаги и вслед за этим стукнула дверь.

Я подскочила, протирая сонные глаза.

На пороге, таращась на меня, стояла девчонка с корзинкой.

Совсем еще маленькая, лет десяти, двенадцати. Тощенькая, серенькая. В огромном сером переднике и с такой же огромной серой блинообразной шляпой на голове.

Наверное, когда-то эта шляпа была высоким чепцом. Но потом передумала.

— Здра-а-а... — протянула девчонка, в испуге прижимая к груди корзинку и пятясь к дверям.

Ее мордашка была заревана.

Она перестала плакать, наверное, чтоб испугаться меня. Еще бы, такую-то рожу! Наверное, я наполовину лица синяя была. Редкостное косорылое чудовище.

— Нет-нет-нет! — я выставила руки вперед. — Только не бойся меня. Я ничего дурного не сделаю! Я пришла спросить... то есть, узнать... Можно ли на работу устроиться?

Мой голос прозвучал почти робко, и девчонка передумала рыдать и пугаться.

— Куда на работу? — мрачно спросила она. — К матушке Ферро, на фермы?

— Ну да, — кивнула я. — Ты же тут работаешь?

— Да, — слабо вздохнула она. — Но тут получить денег почти невозможно. Так что подумай сто раз, прежде чем проситься в работники.

Она всхлипнула и прошла к столу.

С отчаянием бухнула свою корзинку на лавку.

Оттуда с тревожным писком вылезли пять желтеньких гусятных головок.

Крохотные гусята. Сколько им, день, два?

— Ой, хорошенькие какие, — умилилась я.

— Хорошенькие, — мрачно буркнула девчонка. Она терла глаза грязными кулаками и готова была разрыдаться. — Это погибель моя!

— Почему? — удивилась я.

— Маленькие они-и-и, — провыла девчонка, уже не сдерживаясь. — Гусышку недоглядели, остались они без мамки. Вот мне их отдали и велели выкормить.

— Ну так что с того? — удивилась я.

— Да как же я их выкормлю, — с отчаянием выкрикнула девчонка, — если на мне огород?! А эти еще сами есть не умеют, бестолковые! Да и без мамки орут! С ними целый день надо возиться! А если сдохнет хоть один, с меня шкуру спустят! Итак штрафов в счет жалования мне приписали!

Она жалобно всхлипывала.

— Я в последний раз жалование получала в позапрошлом месяце, — убито сообщила она мне.

— Как же так?! — поразилась я, припоминая ухоженный образцовый огород.

— Ну вот так. По мелочи набегают... То недогляжу рассаду, то не полью, то перелью... Дома у меня грязно, не успеваю я убраться. На мне же двадцать шагов города!

— Двадцать шагов! — ахнула я. По местным меркам, это было очень много. На такую маленькую девчонку... — Да где же тебе все успеть?!

— А никого это не волнует. Должна, раз подрядилась на работу. Теперь еще и гуси! Они знаешь, какие дорогие? Сдохнут — до нового года бесплатно буду работать! Так что ты подумай как следует, прежде чем наниматься к матушке Ферро. Она найдет способ, как отнять у тебя то, что тебе причитается. Бесплатно будешь работать. За кров и ложку каши.

— Что же ты ешь? — ахнула я. — Во что одеваешься?

Она снова всхлипнула и грустно повесила голову.

Ее странный чепец унылым блином сполз на сторону.

— Вот, — пробормотала она, вытаскивая из-под гусят холщовый мешочек с крупой, — этим пшена дали. Велели варить и их кормить. Если они сдохнут, то мне как раз на неделю хватит...

От этих откровений у меня здорово поугас энтузиазм.

Да уж, положение...

Меж тем гусята разпищались. Они тянули шеи и орали до хрипоты.

— Есть хотят, — прошептала девчонка.

— Так, не реветь! — тут же скомандовала я. — Ты знаешь что? Садись-ка, поешь. А я их покормлю.

— Чем? — удивилась девчонка.

Но ее взгляд уже был прикован к столу. Нехитрое угощение — сын и хлеб, — захватили ее внимание целиком. Она живенько уселась к столу и жадно ухватила краюшку хлеба. Я же подступила к гусятам.

Желтенькие пуховички, как же мне их было жаль!

Пока они верещали, я покрошила все три яйца в мелкую крошку и положила перед гусятами на тарелке.

Но гусята не понимали, что надо делать.

Шлепали лапами, затапывая еду.

— Тьфу ты, грех, — расстроилась я. — Впрочем...

О курице-то я о своей забыла!

А та, закатанная в шаль, так и спала в узелке у давно погасшей печи.

Я ее вытряхнула и поставила перед блюдцем с рубленным яйцом.

Лысая, полусонная, она тотчас сообразила, что от нее требуется.

Есть! Пить!

Работая острым клювом, она принялась клевать яйцо, и гусята не сразу, но все же последовали ее примеру.

— О, едят! — радостно прокричала девчонка, набивая рот очередным куском хлеба. — Едят!

Тут мне пришлось оттянуть мою пернатую помощницу за лысую гузку, ибо она уж сильно увлеклась. А пятеро желтеньких крох уже достаточно поняли, что от них требуется.

В глубокую миску мы налили воды, и малютки принялись пить. И купаться пробовали.

— Ах, замерзнут! — сокрушалась девчонка, оттаскивая намокших птенцов от плошки.

— Простынут и помрут! Где мы их сушить станем?

— Может, слегка подтопить печку? — спросила я.

— Ага, а дров где возьмем?

— А чем же ты топишь зимой?

— Зимой дают по пять поленьев на день, — серьезно проговорила она. — И по четверть ведра угля. Если мы сейчас это сожжем, то зимой придется в холоде сидеть.

— Значит, пусть сами себя греют, — ответила я.

В корзинку я постелила свою шаль, усадила на нее гусят. Они сбились в кучу, тревожно попискивая. Я аккуратно укутала их, и постепенно они затихли, пригревшись.

— Завтра твоей шали конец, — заметила девчонка.

— Ничего. Постираем, повесим сушиться. К вечеру она будет как новая. Ты наелась?

Девчонка, хоть и была голодна, а все же пару кусочков хлеба мне оставила. Самых маленьких, но все же.

— Да, — прошептала она, совершенно счастливая.

— Ну, будем знакомы? Меня Эстелла зовут, — сказала я.

— Анника, — представилась она.

Глава 5

— Но тебе правда не стоит наниматься к госпоже Ферро, — продолжила Анника. — Она выплатит тебе максимум первых два жалованья. А потом начнет придирается по мелочам. И чем больше ты будешь на нее работать, тем глубже увязнешь. А чтоб выбраться, надо выплатить отступные.

— Вот как?!

— Конечно. Ведь плату за жилье с тебя не будут взимать.

Я задумалась.

— А пожить у тебя можно? — спросила я. — Ну, в твоём доме? Я буду помогать, честно! С гусятами вот помогу, чем смогу. И дом приберу, если что. Глядишь, у тебя штрафов будет меньше.

Я покопалась в кармане и достала пару монеток, которые дал мне возница.

— Этого, конечно, немного, — сказала я, — но ведь можно купить хлеба...

У Анники глаза заблестели.

— Хлеб! — прошептала она. — А тут еще пшено... можно кашу сварить!

— А если уж совсем станет голодно, — подхватила я, — сварим вон суп. Из моей курицы!

Я протянула руку, чтоб погладить несчастную птицу.

Ну да, я ее спасла.

Но такова птичья доля. Я готова была ею пожертвовать ради нас с Анникой.

Но что-то пошло не так. У курицы, как ни странно, на этот счет были свои планы.

— Руки прочь! — выкрикнула вдруг эта пернатая — пардон, лысая! — птица, отпрыгивая и забиваясь в угол между стеной и печкой. — Или я за себя не отвечаю!

Аника подскочила, как ужаленная, отпрянула, и тотчас же упала, споткнувшись о ведро.

Она рухнула задницей прямо в него, задрав ноги и выбив целый фонтан холодной воды.

Но говорящая курица ее так напугала, что Аника не обратила внимание на холод.

Вытаращив глаза, не мигая, она мужественно выдрала себя из ведра, и ухватила метлу.

— Демон! — выдохнула она.

И попыталась прихлопнуть несчастное лысое создание.

Курица, забившись в угол, отбивалась, как тигрица. Клевалась, кудахтала и дрыгала ногами.

А я просто-таки остолбенела. Даже двигаться не могла.

— ...Олег Петрович?! — только и смогла вымолвить я, потрясенная до глубины души.

Этот голос, эти интонации, эту спесь в голосе я не спутаю ни с какими другими!

Это хорошо завуалированное превосходство, яд, сквозящий в каждом слове!

Противный препод, что мучил меня на пересдачах! Это он, он оказался в теле ошипанной курицы!

Услышав свое имя, он — курица, — на миг перестал сопротивляться и Аннике удалось прихлопнуть его метлой.

Да так, что он уселся на лысую гузку, растопырив лапы и раскрыв клюв.

— Денежкина?! — прохрипел он, тараща на меня глупые куриные глаза.

— Вот тебе! — торжествовала Анника.

И я еле успела ухватить ее за руку чтобы остановить следующий удар. Не то курице пришел бы конец.

— Стой-стой-стой! — взмолилась я. — Это не демон, это...

— Говорящая курица! — рычала Анника. Она просто рвалась в бой. — Значит, демон! Суп из демона будет угоден Свету! И навариистый, должно быть, получится!

Откуда в ней такая кровожадность?! Впервые видит курицу, а уже готова ей кишки выпустить!

— Уберите от меня свои руки! — снова завопила курица, вжимаясь в кладку печи.

— Суп из демонячьих потрохов! — Анника снова взмахнула метлой, как Смерть — косой. — Наверное, у тебя вкусное сердце!

Вот честное слово — тут курица побледнела. У нее закатились глаза и гребень побелел.

— Нет-нет-нет! — затараторила я. — Это... несчастный скиталец меж мирами! Заблудился, попал не туда! Это не демон!

— А такие бывают? — удивилась простодушная Анника.

Мы с курицей закивали, как по команде.

— Да, да, — говорила курица.

— Да, — подхватила я. — Мне бабушка рассказывала! Иногда люди умирают в одном теле и возрождаются в другом. Но совсем не в своем, а...

Я провела рукой по лицу и вдруг замолкла, словно меня холодным ветром обдало.

А чего, собственно, я за него хлопочу?

Кто мне этот оципанный цыпленок?!

Это из-за него я страдала в той жизни.

Из-за него попала в эту, где меня продали, как овцу на бойню!

Он же уморил меня своими пересдачами!

— Она говорила мне, — зловеще продолжила я, — что некоторые грешники за свои гнусные дела иногда попадают в другие миры. В непривычные им миры. И становятся слабыми животными. Мышкой, жуком. Или вот курицей.

— Да что ты говоришь! — ахнула Анника.

— Да, да. И там их мучают, — я многозначительно вздернула брови. — Например, курицам выдергивают перья...

— Я не курица, я петух! — зашипела курица и покраснела.

— Петух? — с сомнением произнесла Анника, разглядывая несчастного Олега Петровича. — Что-то не похоже. Петухи обычно крупнее.

— Я молодая особь! — провыла несчастная птица.

— Цыпленок! — едко подсказала я.

— А у молодых особей...

— У цыплят!

— ...слабо выражен половой диморфизм!

— Чего?! — Анника остоленела, вытаращив глаза и раскрыв рот.

— Он говорит, что еще очень маленький, — пояснила я. — Не видно еще, кто он, курица или петух.

— Размером он со взрослую курицу, — заметила Анника. — И если он петух, и еще цыпленок... О-о-о, он вырастет огромным! Суп из него получится что надо! А перьями подушку набьем. Если они отрастут, конечно.

— Прекратите каннибализм! — заверещал снова Олег Петрович, в истерике забиваясь в угол. — Я человек! Не смейте меня есть!

— Ты курица, — отрезала Анника безжалостно. — И ты попал сюда за свои грехи. Так отчего я должна быть к тебе добра?

Курица выглядела жалкой и подавленной. Гребень у нее свесился набок, клюв раскрылся, словно несчастная птица задыхалась. Сердце у меня дрогнуло от жалости.

— Ладно, не надо его пугать, — великодушно сказала я. — Может, он нам еще пригодится?

— В жарком, — кровожадно сказала Анника. — Или под соусом в картошке!

Это не девочка, это истребитель демонов какой-то!

— Греть гусят, например! — нашлась я. — Матери-то у них нет. Вот и будет наша курочка их опекать. Обрастет перьями, будет прятать под ними птенцов...

— Я петух!

— Ну, хорошо, в суп так в суп, — покладисто согласилась я.

Курица тотчас сникла.

— Согласен, — проквохтал несчастный Олег Петрович.

И я, ухватив его под крылья, откинула концы шали и усадила к гусятам.

— Вот, — сказала я, прикрывая несчастного голого Олега Петровича шалью. — Они будут на твоей совести. Будешь за ними приглядывать.

— Сбежит, — скептически заметила Анника. — Надо за ногу его привязать.

— Сбежит, значит, окажется в супе вдвое быстрее, — отрезала я. — Или собаки порвут. Много ты видела бесхозных куриц, разгуливающих на свободе?

Глава 6

Приключения эти так меня утомили, что я свалилась на свободную лежанку и уснула, как убитая.

А утром, едва расцвело, Анника меня разбудила, деликатно потрогав за плечо.

— У меня остался примерно час до работы, — переминаясь с ноги на ногу, произнесла она. — Может... ну, ты хотела помочь мне... и купить хлеба...

Она окончательно смутилась и промямлила что-то невнятное.

Я так и подскочила.

— О, конечно! — я торопливо нащарила в кармане два своих медяка. — Вот, бери!

Аника повеселела.

— Тут до дома распределительницы пять минут! — радостно сообщила она мне. — Я куплю у нее краюшку хлеба и приду!

— Хватит только на краюшку? — спросила я.

Откровенно говоря, у Эстеллы-меня были отдаленные представления, что сколько стоит.

Я пришла, мира этого не знаю. А Эстелла до сих пор жила в обеспеченной семье.

Да и вряд ли она ела отрубной темный хлеб.

Две медных монетки — я сомневалась, можно ли на них купить вообще что-то.

Но Анника с жаром закивала головой.

— Если разрешишь, — проговорила она с мольбой в голосе, — я куплю еще что-нибудь... Например, молока!

— Тогда я смогу сварить тебе немного каши, — улыбнулась я. — Давай! Трать все! В конце концов, не самые большие деньги в нашей жизни. Будет у нас и больше!

Аника убежала, а я поднялась. Стряхнув сон, оправив платье, решительно направилась делать скопившиеся дела.

А таковых набралось немало.

Гусята наши спали, пригревшись под шалью. У них там было жарко-жарко. Значит, уже не замерзнут, не простынут и не помрут.

И Олег Петрович — тоже спал, в несвойственной курам позе.

Он завалился на бок, вытянулся во весь рост, положил голову на пушистый зад одного из гусят. Нашел же себе подушку... И какой сон крепкий!

— Совесть тебя не терзает, петух щипанный, — ворочала я сердито. — Я тут из-за тебя, между прочим!

Но Олег Петрович меня не слышал.

Препад дрых, раскрыв клюв и вытянув тощие лысые лапы. Да так блаженно, так сладко... кажется, даже похрапывал. Наверное, думал во сне, что весь кошмар ему привиделся.

Господи, что мне с ним делать теперь?! И как его-то угораздило попасть вместе со мной?! Может, после сна его того... обратно выдует?! Ну, пожалуйста!

Меньше всего я хотела видеть рядом этого щипанного петуха.

И слышать его язвительные замечания.

Хоть он сейчас и не в том положении, чтоб вести себя так.

Но, думаю, такую курицу только могила исправит.

Размышляя над этим странным попаданством, я подвязала волосы, надела серый фартук Анники и сходила за водой.

Готовить-то надо было! Для тех же гусей кашу сварить на воде.

Немного повозившись в печи, я нашла небольшой котелок и несколько тонких высохших поленьев. Трех хватит, чтоб сварить еды нашим гусям.

Одно из них я распустила на лучины, чтоб скорее разгорелись.

Из печи серой от пепла короткой толстенькой метелкой вымела всю сажу в угольное ведро. Вычистила печь, вымела всю золу. Выскоблила кирпичи, из которой печь была сложена. Водой прибила поднявшуюся серую пыль.

Надрала с полена тонкой сухой коры, сложила лучину шалашиком, под него сунула кору. Развела огонь, и когда он разгорелся сильнее, сунула в него полено.

Котелок почистила песком, отыскавшимся рядом с домиком.

Сполоснула его как следует. Он даже заблестел.

Крупку хорошенько промыла, чтобы готовая каша не слиплась в ком, а осталась рассыпчатой.

В котелок засыпала мытого пшена, налила свежей холодной водицы. Поставила котелок на огонь и занялась уборкой.

Когда каша запыхтела, а я домывала стол, соскребая с него всю пыль и грязь, явилась Анника.

Корзинка ее была занята гусями, так она принесла припасы в собственном задранном подоле.

И мордашка ее просто лучилась от счастья.

— Смотри, — радостно затараторила она, осторожно примостив свою добычу на лавку. — Сколько всего!

Хлеб она купила, это верно.

Вместе с ним пары медяков ей хватило на бутылку с молоком и мешочек с крупой. Еще в ее подоле была соль в кулке из темной бумаги небольшой кусок желтого, самого лучшего и самого сладкого сахара!

— Это для чая, — оправдывалась она, поняв, что я заметила лакомство. — Немного с утра взбодриться... а то просыпаешься, а сил нет.

— Я понимаю, — мягко ответила я. — И совсем не против.

Еще, помня о гусятах, Анника принесла пару яиц.

— Ну, они же совсем маленькие, — пояснила она. — Пшено это хорошо, но яйца им полезнее...

И снова будто оправдывается.

— Да, ты права, — кивнула я, чтобы ее ободрить. — Ловко ты распределила деньги, я бы лучше не смогла. Молодец! Никого не забыла!

От моей похвалы Анника расцвела. На ее грязненьких щеках появился румянец.

— Давай поедим и займемся работой, — переноса ее припасы на стол, скомандовала я. — Смотри, гусята проснулись. Надо б им сварить яйца.

Гусята проснулись и попискивали.

А Олег Петрович все еще спал. Странное поведение для курицы.

— Может, сдохла? — осторожно предположила Анника, тыча в птицу пальцем.

Но курица была жива.

— А-а-а, — протянула курица во сне лениво. И ногой дрыгнула, отбиваясь от назойливой руки.

Затем эта странная птица перевернулась на спину, расталкивая пищавших гусят, и захрюкала.

— Она точно не демон? — неприязненно произнесла Анника. — Жуткая какая курица... Она что, слюни пускает?

— Во сне такое бывает, — ответила я.

— Но не с курицами, — твердо ответила Анника. — Смотри, она язык вывалила. Фу, противная какая...

Откровенно говоря, от этой птицы и мне было не по себе.

Я смотрела на лысую птицу, а видела спящего Олега Петровича.

Ну, вот не знаю, как это выходило. То ли мимика у птицы была очень уж похожа, то ли воображение у меня бы хорошее.

— Оставь ее в покое, — ответила я Аннике. — Пусть нам помогает. Назовем ее... Петрович.

— Странное имя, — сказала Анника. — Петро... вич.

— Как раз для такой страной птицы, — ответила я. — Если не будет от нее проку — прогоним.

Признаться, теперь у меня рука б не поднялась отправить несчастного в суп.

Но Анника имела на этот счет другое мнение.

— Зачем же гнать, — хищно и ужасно коварно сказала она. — Знаешь, как давно я не ела домашнего супа с лапшой?

Я расхохоталась.

— Давай сначала поедим то, что у нас есть, — сказала я. — А потом уж подумаем о лапше.

Принесенных продуктов было, конечно, мало.

Но Анника вскипятила в закопченном чайнике воды, и мы после завтрака хлебом и молоком попили чая, кипятка с сахаром. Мы разбили кусок на несколько кусков поменьше.

И, казалось, вкуснее сахара я в жизни не ела!

Гусятм мы скормили рубленое яйца. И поели они куда больше, чем вчера. Да еще и немного каши захватили.

Анника не утерпела, ухватила из котелка пару ложек, когда кормили гусят. Каша была несоленой, и девочка досаливала ее прямо в ложку.

— Остальное вечером им скоромим, — сказала я. — А днем я покормлю их зеленью. Растет тут поблизости одуванчик или мокрец?

Анника оглянулась, будто ее мог кто подслушивать, и придвинулась ко мне.

— Растет, конечно, — доверительно сообщила она мне. — Но только пасти гусей там нельзя, попадет...

— Это еще почему? — удивилась я.

— Потому что за оградой фермы земли-то герцогские, — ответила Анника серьезно. — Понимаешь? И он будет против, если гуси госпожи Ферро будут есть его клевер. Но есть у меня одна тайна...

— Тайна? — насторожилась я.

— Ну, ты как будто бы человек надежный и хороший, — Анника поникла, — да и все равно узнаешь...

— Да что ж такого ты скрываешь?

— Огород! — выпалила Анника. — Свой маленький огородик!

Глава 7

Я так и уставилась на Аннику.

— Зачем тебе свой огород, ты что, на ферме не зарабатываешь? — удивилась я.

Анника рассмеялась, тряхнула головой.

— Да нет же, — ответила она. — Еще как зарабатываю... Но иметь свое куда лучше, чем работать на кого-то. Вот я и подумала — а вдруг получится заработать, выкупить этот домик и устроить свою ферму? У некоторых работников получалось. Вот у распределительницы, например. Я же все рассчитала, — уныло сказала она. — Мне обещали платить по два серебряных в месяц. Если экономить, то за год можно набрать достаточно денег, чтобы устроить свой небольшой огородик. Выращивать зелень, овощи...

— Но заработать не вышло, — подытожила я.

Анника горестно кивнула.

— Поначалу меня хвалили, и я старалась. Страсть как хотелось свой домик заиметь! Я же сирота. Моя лачуга развалилась, куда мне податься? Вот я и подумала, что смогу заработать...

— А что потом? Ну, похвалили, а потом что?

— А ничего. Распределительница мне выдала пару раз жалование, а потом вдруг назначила штраф. У ограды росли сорняки, а их быть не должно. Я выколола все сорняки, и даже за оградой! Но штраф все равно назначили. Потому что земля на огороде была недостаточно сыра. А потом...

— Потом был дом запущенный, — подсказала я. Анника уныло кивнула.

— Я и оглянуться не успела, как истратила все жалование, — горестно прошептала она.

— Хотела откладывать, а еле-еле хватало прокормиться.

— Такие большие штрафы?

— Очень, — горестно вздохнула Анника. — А еще осенью могут назначить количество ведер картошки, которую должны у тебя собрать. И если хоть одним ведром меньше...

Я оглядела картофельное поле Анники. Просто вылизанная языками верблюдов пустыня. Плоское поле, на котором торчали праздничными букетами картофельные кусты.

— А если больше? — коварно спросила я.

— Что? — удивилась Анника.

— Если картофеля будет больше? — переспросила я.

— Обещают премию, — ответила Анника. — В целый золотой! Но такого ведь не случается ни с кем.

— А с тобой случится, — уверенно ответила я. — Ты картошку окучиваешь?

— Что? — удивилась Анника.

— Вижу, не окучиваешь. Ну, да ладно, я научу. И помогу. И соберешь ты больше всех.

Пошли?

— А тайна, тайна-то! — всплеснула руками Анника. — Я ведь не показала!

— Что? — удивилась теперь я. — И показать есть что?

— Ну, разумеется, — Анника от удовольствия покраснела. — Идем?

У дома росла старая липа. Кто-то когда-то согнул ее, или надломил, и она, кривая, склонялась до самой земли.

За ветвями этой липы виднелась изгородь, отгораживающая дворик домика Анники от всего мира.

Но девочка, словно мышонок, юркнула под тяжелый кривой ствол. И я последовала за ней.

Пробравшись по зеленому липовому туннелю, мы очутились на крохотном пятачке земли, и Анника гордо обвела свои владения рукой.

— Вот! — произнесла она.

Я только руками всплеснула.

Ограда, разделяющая двор и этот закуток, была бутафорская.

— Я сама ее сплела из гибких ивовых ветвей, — пояснила Анника. — Дом-то такой старый, что никто и не помнит, какого размера тут двор. А зимой тут так много снега, что и не видно, что там есть еще пространство...

Сразу за липой был маленький райский уголок.

Красивый камешек, высокий, обточенный водой до идеальной гладкости, и поросший мягким ярким мхом. Из его вершины бил родник.

Вода стекала в крохотный круглый пруд, по берегу обложенный круглыми камешками.

Тут же росли семь картофельных кустов, ухоженные, с сочными плетями ботвы.

— Я зимой не ела, — призналась Анника. — Сэкономила семь клубней, чтоб посадить для себя. Смотрю ка картошку, есть хочу — невозможно! А как вспомню про свой огород, то есть не так уж и хочется...

И самое главное сокровище в этом душистом липовом раю была роза.

Один куст рос на самом солнечном месте и набирал цвет.

— О, какая необычная, — удивилась я.

Розовый бутон был не алый и не желтый, а нежно-кремовый, как глубоководная перламутровая раковина.

— Герцогская роза, — гордо произнесла Анника. — Я нашла цветок, он уже немного подгнил. Срезала увядший бутон, посадила стебель... вот, вырос. Я хочу розы развести, а потом цветы продавать. Они ведь редкие. И самые дорогие. Я долго голову ломала, как я на базар-то их понесу. Мне же на огороде надо быть. А теперь есть ты. Ты же не в рабстве у Ферро. Ты можешь идти куда хочешь, и когда захочешь!

— Да, — тихо сказала я, разглядывая чудо-цветок. — Есть я...

— А в пруду можно купать гусят, — продолжила Анника.

— Нет, не сейчас. Сейчас они слишком маленькие. Попозже, когда перьями обрастут.

— Ну, ладно. А вон, у стены дома, растет мокрец. Я такая неряха, вечно у меня сорняки...

— Нет-нет-нет! — запротестовала я. — У тебя здесь... Чудесно.

— Ну, давай сюда гусят принесем!

Все-таки Олег Петрович был отвратительным человеком. А курицей он был еще хуже.

Проснулся он позже всех.

Гусята уже наелись и бегали по домику, всюду совали свои любопытные клювы.

Олег же Петрович был голоден.

И это чувство вытеснило все иные мысли и переживания из его куриного мозга.

— Еда-а-а! — проорал он не своим голосом, сорвавшись из корзинки.

— Еда, еда, еда!

Когда мы вошли в домик, он с истеричными воплями носился по дому. Клевал то тут, то там.

Доклевал у гусят пшено, оставшееся с завтрака.

Взобрался на стол и торопливо рвал клювом кусок хлеба.

Мой кусок хлеба!

— А ну, кыш! — вскричала Анника, когда Олег Петрович присел и сделал на столе неряшливое зеленоватое пятно. Я была в шоке от его манер. — Ты посмотри, какая противная курица! Кыш, кому говорю! Кыш, Петрович!

— Что вы себе позволяете, — противным высокомерным голосом процедил Олег Петрович, грациозно отходя от наделанной им кучи. Почему-то я ожидала противного: «Что вы

себе позволяете, Поттер». — Что за панибратское обращение! Я ученый, я доктор наук, между прочим!

Но Анника не оценила его ученые степени.

Она как следует треснула его по затылку, и несчастный птице-ученый слетел с воплем со стола.

— Ты курица, — уничтожающе проговорила я, пока тот квохтал и дергал шей, покрытой редкими перьями. — И ничего больше! Так что веди себя соответственно, но прилично!

— Пошел на огород, Петрович! — прокричала Анника. — Червяков жрать! Как раз овощи гусеницы одолели!

— Каких еще червяков, — надменно процедил Петрович, кося на нас оранжевым глазом. — Какая мерзость, червяки... Вы же не думаете, что меня можно кормить, как обычную курицу?!

— Думаем, думаем, — ядовито ответила я.

— Я человек! — проорала курица. — И требую к себе человеческого отношения!

— Ах, так?! Человек, значит?

— Человек!

— Так извольте отрабатывать свой хлеб! — я помахала над головой Петровича исклеванной горбушкой хлеба. Тот с истеричными куриными криками подпрыгнул, но не допрыгнул до нее. — Назначаю вас шефом над гусями, Олег Петрович! Отвечаете за них головой!

— Какая гадость, — процедил он высокомерно, дергая головой и косясь на гусят. — И не подумаю. Это слишком унижительно...

— Не желаете исполнять наши задания? Не будете на нас работать? Можете встать на местную биржу труда, — съязвила я. — Но вам предложат всего две вакансии, суп и пирог.

— Можно еще жаркое, — подсказала Анника.

— Какой еще пирог, не смейте даже трогать меня!

— Так что если хотите есть и не желаете стать бульоном, руки в ноги — то есть, крылья в ноги, — и пасти гусят на огороде!

— Да что там есть-то?! — возмутился Петрович.

— Сорняки, — подсказала я.

— Червяки, — отозвалась Анника. — Обычно я набираю полведра личинок. Вам должно хватить.

И она раскрыла двери и поддала Петровичу пинка, несмотря на его горестные крики.

Гусята радостной ватагой помчались за ним, смешно перевалившись через порог.

— Ну, а мы с тобой сейчас пойдем и окучим картошку, — сказала я Аннике.

— Да зачем?!

— Затем, чтоб было больше клубней! — ответила я. — Новая технология выращивания картофеля! К осени у тебя будет самый большой урожай!

Глава 8

Анника должна была срезать с грядок зеленый лук, укроп, базилик, какие-то еще пряные травы.

Все это нужно было разделить на порции — по числу веточек, перышек, — обвязать каждую порцию бечевкой и отнести распределительнице.

Она передавала травы и овощи на продажу и выписывала штрафы, если что-то было небрежно и неправильно сделано.

Поэтому к этой работе меня Анника не допустила.

Пока она управлялась со своей работой, я решила окучить ее картошку.

От вчерашнего удара голова все еще болела и немного кружилась.

Синяк был на пол-лица — так Анника сказала. Зеркала, чтоб это проверить, не было.

Работать в таком состоянии было не очень-то удобно, но что поделать.

В холодном родничке Аннике, там, за старой липой, я как следует умылась.

Промыла рану на виске, тщательно смыла кровь с волос. Стало намного легче. Словно тяжелую шапку с головы сняла.

Я убрала волосы под косынку и пошла на огород.

Тяпка у Анники имелаась. Старенькая, с легкой высохшей ручкой.

Но удобная и острая.

Так что к моменту, когда Анника вернулась от распределительницы с пустой корзинкой, я из десяти шагов ее огорода окучила два.

Старалась все делать на совесть. Так что из земли теперь вместо ботвы торчали лишь зеленые кудряшки. Одни вершинки картофельной ботвы.

Анника, увидев это, только рот раскрыла.

— Это... зачем так? — промолвила она, разглядывая мою работу.

— От закопанных в землю стеблей новые корни пойдут, — объяснила я. — На них завяжутся новые клубни. И картошки станет больше в два раза. Понимаешь?

— А-а-а!

Анника выглядела пораженной в самое сердце. Словно я ей какое-то хитрое колдовство раскрыла.

Секретный фокус.

— А распределительнице я что скажу? — произнесла она.

— Скажешь, что от гусят защитила. Чтоб они не обкусили картошку госпожи Ферро.

Гусята были той еще проблемой.

Они ели все время.

Пока не было Анники, я то и дело отвлекалась, бросала окучивание и неслась добывать им травы.

Вокруг прудика Анники я тяпкой вырубилась весь мокрец, выполола все сорняки с ее семи картофельных кустов — за своей картошкой она ухаживала не так тщательно, и нет-нет, да пропускала травинку.

Веселая и уютная зелень осталась только на замшелых камнях да на картофельной ботве и розах. Я вырубилась там все, абсолютно все.

Тайный садик был чистый, как на выставке. Земля черная, влажная, жирная.

И всю раздобытую там траву я отдала гусям.

Они для начала слопали сочный свежий мокрец.

Утомились, устроились поспать в теничке.

Я занялась картофелем. А когда вернулась проведать гусей, от травы и следа не осталось.

Все было съедено. Даже стебли, грубоватые и толстые, были растерзаны жадными голодными клювами.

А земля вокруг была... тщательно удобрена, скажем так.

И гуси верещали, требуя еще пищи.

— Да уж, — проворчала я, отдавая им вечернюю порцию каши. — Анника права, вы просто чума какая-то! Вас прокормить непросто... Петрович! А ты почему не помогаешь им найти еду? Анника говорила, — сурово произнесла я, — что тут полно червяков и личинок. Но я что-то их не вижу!

— А?! — встрепенулся Петрович и покосился на меня одним глазом.

Абсолютно безумным.

Зоб его был подозрительно полон.

А из клюва торчал отвратительный извивающийся червяк!

— Ну, Олег Петрович! — воскликнула я, всплеснув руками. — Да вы в одну каску всех червяков сожрали?!

— Ничего подобного я не ел, — желчно возразил он и сглотнул червяка. И тут же клюнул еще одного.

Такого наглого вранья от собственного преподавателя я не ожидала!

Интересно, это куриная личность так влияет на Олега Петровича, или он сам такой?

Нет, ну не может же курица подавить личность человека! Мужчины!

Впрочем, не многого ли я хочу от того, у кого мозг с грецкий орех?

— Кажется, вам поручено было заботиться о гусятах, — строго произнесла я.

— Вот еще, — нахально отозвалась птица.

— Олег Петрович! Если уж мы вместе попали сюда, то нужно помогать друг другу, чтобы выжить!

— Вот и выживай, выживай, Денежкина, — желчно и язвительно отозвалась курица, поклевывая червяков с ботвы. — На мой век червяков хватит. А ты давай, работай! Вкалывай! Я же говорил, что ты ни на что не способна, кроме как лопатой махать? Вот и маши!

И он так и покатился со смеху.

— В этом мире вряд ли можно прокормиться вашими формулами, — проворчала я. — Так что побольше уважения к труду.

— Уважения? — Олег Петрович нервно дернул крылом. — Каким бы темным это средневековье ни было, но и тут есть ученые, думаю. Ты могла бы стать светилом! А вместо этого роешь навоз. Потому что предмета абсолютно не знаешь, — курица снова издевательски закудахтала.

— Напомню, что и вы тут, со мной, застряли. И светилом науки вам точно не быть!

Но это не смутило Олега Петровича.

— Я попал сюда, наверное, посмотреть на твои жалкие потуги выжить, — ответил он, разгребая лапой гусиные какашки. — Посмеяться. И удостовериться, что я был прав! Ты ни на что не годишься, абсолютно. Денежкина с тяпкой в руках и с подбитым глазом! Всегда думал, что ты так и кончишь. В каком-нибудь грязном спальном районе, с мужем-алкоголиком.

И он снова так и покатился со смеху.

Какое странное легкомыслие!

Кажется, он вообще не переживал, что попал в тело курицы.

Как будто всю жизнь тут и жил.

И совести у него не было ни на грош. Нет, ее и раньше не было, но теперь это было как-то особенно заметно.

Словно с человеческой оболочкой с него сполз тонкий налет цивилизованности.

Ему просто нравилось надо мной издеваться. Говорить гадости. Думаю, если б я сейчас заплакала, он бы принялся кудахтать и летать вокруг, пытаясь клюнуть меня в рану на голове. Чтoб сделать побольнее.

Он что, думает, что ему все сойдет с рук? А я стану его кормить и защищать только потому, что мы знакомы?! И терпеть его издевательства?

— Ах ты, паразит! — прорычала я.

Ловко ухватив курицу за ноги, я вздернула Олега Петровича вверх. Перевернула его вниз головой. Решительно ухватила тятку.

— Я сейчас голову тебе отрублю!

Приток крови к голове хорошо сказался на умственных способностях Олега Петровича.

Он вытаращил глаза и завопил не своим голосом:

— Денежкина, прекрати! Я же пошутил, Денежкина!

— Эстелла, — прорычала я, опасно тыча лезвием ему под бородку.

Олег Петрович смотрел на меня совершенно куриными бессмысленными глазами.

— Повтори, — велела я.

— Эстелла, — покорно прокудахтал он.

— А ты курица, Петрович, — подвела итог я. — Если еще хоть слово от тебя услышу, я тебя отделаю почище того психопата, который ощипал! Ты меня понял?

Я размахнулась Петровичем, как олимпийский чемпион по метанию молота, и запустила его в огород, как ракету.

Он с воплями пролетел над ботвой и воткнулся где-то среди не окученной картошки.

За этим-то занятием меня и застала Анника.

— Демона воспитываешь? — деловито осведомилась она. — Правильно! Его надо, а то на голову сядет.

Пока она осматривала окученные мной кусты картофеля и пробовала сделать это сама, я присела прямо в борозду. От обиды на этого чертова Петровича хотелось плакать. От испытанной злости голова закружилась.

А еще и гусята разбежались по всему огороду.

Анника еле их собрала. Как бы не заболели...

— Что-то ты неважно выглядишь, — обеспокоенно сказала она, устраивая гусят в своей корзинке.

— Голова разболелась, — ответила я тихо.

— Так иди, приляг! — сказала Анника. — Ты так много сделала для меня... и прополола огород, и окучила, и вот за гусятами присмотрела. Тебе надо отдохнуть!

Петрович опасливо высунул голову из-за земляной горки вокруг картофельного куста.

Оставаться наедине с Анникой он явно боялся.

Вот ее, девчонку, боялся без слов, а меня нет. Словно я размазня какая-то.

Курица надо мной издевается! Курица!

Я сжала зубы, чтоб не разреветься.

От Петровича можно ожидать издевательства за любое проявление слабости.

А я просто не выдержу. Я просто взорвусь. Сойду с ума.

Значит, надо держать себя в руках.

— Идем, — жалостливо произнесла Анника. — Я помогу тебе прилечь. Я сама все сделаю, как ты и показала! А ты пока отдохни. Поспи.

— Надо в доме убратсья, — пробормотала я, опираясь на ее худенькое плечико.

— Это потом, — тряхнула она головой. — Уж точно не сейчас.

Глава 9

Переживали мы за гусят, а расхворался у нас Петрович.

И, главное, ничего же не предвещало!

Пока Анника окучивала и пропалывала весь свой огород, я немного отлежалась.

Анника принесла мне воды из своего волшебного ключа, я умылась, немного попила и положила на лоб прохладный компресс.

И через час всю хворь как рукой сняло.

Даже болеть голова перестала, будто и не было никакой раны. Я даже шаль свою постирала и развесила сушиться на жарком солнышке, и никакого головокружения со мной не случилось.

На обед Анника принесла свежего зеленого гороха, лука, огурцов и редиса, и щедро поделилась своей добычей со мной.

Распределительница по каким-то своим критериям эти овощи забраковала. Не приняла на продажу.

Наложила штрафы на работников, принесших ей кривые огурцы. Хотя работники-то в чем виноваты?

А Анника их прихватила. Чего добру пропадать?

— Кривые-то они кривые, — посыпая огурец солью и хрустя его сочной крепкой сердцевиной, заявила она. — Только все равно вкусные и свежие. Эх, нам бы немного муки и яиц... Так пирогов с луком и яйцом хочется... С хрустящей золотистой корочкой...

Но чего нет, того нет.

Остается только мечтать.

Накормив гусят остатками каши и очистками огурцов, я решила убрать домик.

Тем более, что убирать-то тут нечего. Всего одна комната.

Печка, три лежанки, маленький шкафчик и стол.

Неужто не справлюсь?

Начала я с печки.

Долго обметала ее стенки, потом мокрой тряпкой оттерла от осевшей на них сажи.

Вымела все из печи, отмыла кирпичи. Они стали ярко-оранжевыми.

Ни песчинки внутри, ни уголька!

За печкой обнаружила ведро с давно засохшей известью и вросшей в нее толстой кистью, скрученной из пеньки.

— О, как кстати! — пробормотала я.

Полчаса ушло на то, чтобы размочить известь и кисть, развести раствор пожиже.

Я аккуратно побелила печь, так, что она из бледно-желто-коричневой стала гладкой, белоснежной. А потом тщательно замыла брызги на полу.

И в домике сразу стало светлее.

Воды я натаскалась — жуть.

В домике было всего три маленьких окошка, но на каждое мне пришлось нести по ведру воды.

Я намывала стекла до тех пор, пока они не заблестели как хрусталь.

Рамы были из твердого черного дерева. Совсем еще не старые, крепкие, хорошо работающие.

Я терла и терла их, смывая налет и гарь. И скоро окошки были как новенькие!

Занавеси на окнах были серыми от пыли и походили на слежавшиеся тряпочки. Похоже, Анника ими не пользовалась совсем. Как раздвинула, так они и остались навсегда. Да и когда ей укрываться от полуденного зноя, если она все время проводит за работой?

Я сняла их и замочила в ведре со щелоком.

Пусть отмокну!

— Потом прокипячу, и станут они чистыми, белыми! — пробормотала я.

Деревянные лежанки и стол я тоже помыла.

От усердия поскоблила их ножом, отчищая до природного светлого цвета. Крупным песком пошоркала, как наждаком, полируя разводы на дереве.

И пол тоже натерла песком.

Долго смывала старую грязь, возила и возила тряпкой. Зато отмыла дочиста, оттерла песком, окатила водой. Щеткой вымыла грязь из углов, оттерла стертый ногами порожек.

В доме сразу запахло свежим деревом и травой. Стало не душно, а свежо и прохладно. И очень уютно. Дерево ведь имеет какую-то особую магию. Когда к нему прикасаешься, когда видишь разводы, сучки, становится невероятно тепло на душе.

Солнце желтыми квадратами лежало на дощатом полу, высушивая доски.

Было светло и немного празднично.

Под потолком я навешала душистых трав, раскрыла окна, чтоб проветрить.

— Завтра шкафом займусь, — решила я. — Там наверняка гора посуды, банки-склянки. Так сразу и не разберешься. Вот завтра и посвящу весь день на то, чтобы навести там порядок!

Явившаяся с работы Анника только руками всплеснула.

На глаза ее навернулись слезы.

— Я спасена! — прошептала она. — Эстелла, ты даже не знаешь, что ты сделала для меня! Нет грязи — нет штрафа!

— Погоди, — пропыхтела я, отирая потный лоб. — Еще снаружи дом покрасим. И тебе еще премию выпишут!

Аника в подоле своего платья принесла еще сорняков и червяков для прожорливых гусят.

Ссыпала им в корзинку, и они с писком принялись за еду.

Услышав это, в дом, в приоткрытую дверь, ворвался Петрович и с совершенно ненормальным видом набросился на червей, будто ничего вкуснее в жизни не ел.

Он клевал и клевал, выдирая личинок у гусят из-под носа. Глотал, давился, и снова хватал.

Смотреть на это было неприятно.

Вообще, когда речь заходила о еде, у него словно разом отключались ум, честь и совесть. Особенно ум.

Он превращался в обычную курицу, которая просто одержима идеей пожрать.

Вот где ужас-то.

— До чего прожорливый, — неодобрительно заметила Анника. — И ладно б польза от него была какая, а то ведь просто жрет за наш счет! Может, все ж выгоним его?..

Петрович продолжал свое пожирательство, абсолютно не слыша угроз.

А через час ему поплохело.

— Мне кажется, у меня жар, — стонал он, лежа на полу, раскинув крылья. Справедливости ради, надо сказать, что и дышал он часто, тараша на нас несчастные испуганные глаза. — Я простудился, разгуливая по огороду в таком виде! И внутри все горит и крутит... Словно душа просится наружу...

— Да ты просто червяков обожрался, — сказала честная и прямолинейная Анника. — Нельзя быть таким жадным!

— Эти черви были ядовитыми-и-и! — выгибаясь, закидывая голову чуть не за лысую гузку, метался и стонал в агонии Петрович. — Вы отравили меня-а-а... А-а-а-а... Убийцы!

Аника посмотрела на него насмешливо, но смолчала.

— Петрович, может, тебе водички? — участливо спросила я.

— Утри мне испарину со лба, — стонал страдалец. — Темнеет в глазах... О, какая всепожирающая боль! Словно ваши черви прорвали мне желудок и расплзлись по всему телу! Накатывает волной! Давит! О, умираю! Они сейчас разорвут меня в клочья! Ваши червяки-и-и!

— Хорошо, что на тебе испытали червяков, а не на гусятах, — заметила Анника. — Если б померли они, их было бы жаль. А тебя, прожорливая курица, нет.

— У тебя нет сердца, — чуть не со слезами в голосе простонал Петрович. — Такие вещи говорить умирающему... О, небо! Еще волна! Я сейчас взорвусь! Яд захлестывает меня целиком!

— У тебя газы, — язвительно заметила Анника. — Эстелла, давай его во двор выгоним. А то он сейчас все полы утряпает. Он же ведро личинок съел, ей-богу!

— Я вижу! Свет! В конце! Тоннеля! — проорал Петрович, вытянув изо всех сил шею и выпучив глаза. — Прощайте! Ко-ко-ко-ко!

Он на миг замер, замолк, а потом клюнул гузкой вниз. И на чистых досках пола осталось свежее, чистенькое и беленькое яйцо!

— Фух, кажется, отпустило, — пробормотал Петрович слабым голосом.

Я глазам своим не могла поверить.

— Петрович! — выдохнула я. — Так ты все-таки курица?! Не петух — ты курица, Петрович!

— Ась?! — встрепенулся страдалец и обернулся назад. — Что?!

— Несушка ты, — пояснила «роженице» Анника. — Я же говорила, что это курица. Для петуха она мелкая. Хорошо, кстати, что это так и оказалось. От курицы больше толку. Яйца теперь у нас будут всегда! Так что ешь, Петрович, теперь больше червяков. Тебе полезно.

Петрович покраснел от смешанных стыда и гнева.

— Я петух! — чуть ли не брызжа слюной, прокричал он.

— Ага, — усмехнулась я.

— Вы это мне подкинули!!! А у меня всего лишь газы!

— Да-да-да, — поддакнула Анника.

Глава 10

Яйцо было не просто кстати, а очень даже кстати!

— Вот, и гусятам на прокорм хоть немного! — радовалась Анника, обтирая подолом свежее яйцо. — Молодец, Петрович! Хоть и демон, а все равно молодец!

Тут Петрович, оказавшийся все-таки курицей, вдруг побагровел и испустил душераздирающий вопль.

— Что? — удивилась я. — Понимаю, это ужасная психологическая травма, узнать, что ты все-таки курица. Но знаешь, все не так уж трагично... Ты мог бы вообще не родиться. Так бы и остался там, за чертой смерти.

Но Петрович будто не слышал меня.

— А-а-а-а! — проорал он, тараща глаза и терзая на голове остатки перьев.

— Мы никому не скажем, что ты был когда-то демоном, — неуклюже попыталась утешить его Анника. — Смотри, как убивается. Стыдно ему. Наверное, это ужасно — быть могучим демоном, имеющим власть над душами, вершащим судьбы людей, и вдруг превратиться в простую курицу. Которая яйца несет.

— Ко-о-о-о! — орал Петрович отчаянно. — Ко-о-о-онечно!

— Не вершил бы судьбы людей как попало, — сварливо ответила я, — может, и не пришлось бы яйца нести!

В этот момент Петрович как следует поднапрягся. Горло его дрожало от душераздирающего крика.

— Ко-о-о, мать твою! — орал он, пуча глаза. — Ко-ко-ко, чтоб вам всем!

Он задрал гузку и чуть не зарычал от усердия.

И на пол из-под его лысого хвоста... вдруг вывалилось еще одно яйцо.

— Что?! — в один голос вскричали мы с Анникой. — Второе?! Как это может быть?!

Обычно курицы несут только одно яйцо.

И даже не каждый день.

Но чтоб сразу два? Такого я не слышала!

Но, вероятно, Петрович был очень волшебной курицей. Или карму отработывал сверх плана.

— А что, третьего не будет? — спросила прагматичная Анника. — Петрович, ты постарайся. Ну, а вдруг?!

Петрович же, взмокший, утомленный родами, лежал на полу, раскинув крылья и слабо шевеля откинутыми лапами.

— Мои близнецы, — простонал он, закатывая глаза. — Скажите мне, что все с ними в порядке...

— Петрович, ты в своем уме? — грубо одернула я страдальца. — Какие близнецы? Яйца — это просто яйцеклетки. В твоем случае неоплодотворенные. Кто меня попрекал незнанием предмета? А сам-то невежда!

— О, жестокие люди! — путив слезу, прошептал Петрович. — Вы выдумаете сто оправданий себе, чтобы отнять моих деток... и съесть их... Как жесток мир!

— Тебя что, петух потоптал? — удивленно спросила Анника. — Ты еще вчера клялся, что цыпленок! И слишком молод! Так что это первые твои яйца!

Услышав про петуха, размякший и обессилевший Петрович тотчас обрел тургор.

Он подскочил, встряхнув нервно головой, и посмотрел на нас безумным взглядом.

— Какой еще петух?! — заорал он не своим голосом. — Не было никакого петуха! И это... эти яйца не мои! Вы мне их вообще подкинули!

— Да ты кукушка, Петрович! — изумилась я. — Быстро ж ты отказываешься от родства!

— До завтра, неудачники! — проквохтал Петрович и с достоинством, неспеша, вышел за дверь.

Видно, ночевать он собрался на улице. Чтоб не видеть наших насмешливых улыбок.

Хотя, конечно, мы были так потрясены, что и не думали смеяться над Петровичем.

А мы тотчас решили отварить яйца и покормить ими гусят.

Трава — это, конечно, хорошо. Но сбалансированное питание лучше!

И тут нас снова поджидал приятный сюрприз.

Готовые яйца никак не остывали. Я уж обливала, обливала их холодной водой, а они все жгли руки.

А потом, когда их все ж удалось остудить, я никак не могла разбить скорлупу.

— Да это что ж такое! — ругалась я, с грохотом колошматя яйцом о стол. Так, что ложки подпрыгивали. — Петрович! Ты что, засунул себе в зад пару камней?! И это никакие не яйца? Шутка так себе!

В этот момент яйцо — крак! — раскололось точно пополам.

Я ахнула, подхватив скорлупу.

Вареное содержимое, обычное яйцо, сваренное вкрутую, вывалилось из нее, словно скорлупа была большеватая.

А в моих руках осталось...

— Да это же серебро, Эстелла! — изумленная, ахнула Анника.

И это было правдой.

Под тонкой, как бумага, белой скорлупой была еще одна, серебряная.

Чистое, белое, мягкое отличное серебро.

Его даже удалось сплющить, приложив немного усилий.

— Петровича что, монетами серебряными кормили?! — изумилась я, рассматривая тонкую серебряную скорлупку. — Да если б и кормили, он не смог бы снести серебряное яйцо!

— Настоящее серебро! — шептала Анника, разглядывая сокровище круглыми от восторга глазами. — Это же просто клад какой-то!

— А второе яйцо? Оно тоже серебряное?

Тоже.

Его скорлупа была такая же серебряная, как и у первого яйца.

— Ты понимаешь, что это практически твое жалование за месяц? — произнесла я, рассматривая чудо-яйца.

Я была потрясена.

Куточек Ряба не была в списке моих любимых книг. А вот ты поди ж...

— Если продать серебро ювелиру, — неуверенно произнесла Анника, — он даст две серебряных монеты?

— Вероятно, и больше, — ответила я. — Серебро-то чистое! Здорово было бы, если б Петрович нес яйца каждый день, как любая приличная курица! Если это будет так, мы разбогатеем.

— И тогда сможем...

— Мы сможем накопить и выкупить домик, — продолжила я за нее. — Этот домик и кусок огорода, как ты и хотела.

— Ты будешь так щедра, — со слезами пробормотала Анника, — что не прогонишь меня отсюда, если получится дом купить? Петрович-то твоя курица. А я не имею никаких прав на твои сокровища.

— Прогоню? Тебя? — изумилась я. — Разве с друзьями так поступают? Ты же не прогнала меня, когда я вечером оказалась у тебя на пороге. Разве я могу быть такой неблагодарной, что отвечу злом на твое гостеприимство?

Анника без слов обхватила меня и прижалась крепко-крепко.

И мы стояли, обнявшись, боясь даже пошевелиться, чтобы хрупкое ощущение счастья не покинуло нас.

— На серебряную монету, — тихонько сказала я, — мы с тобой купим много-много вкусного. И новые ботинки для тебя. И настоящую подушку для твоей лежанки. Муки, масла и настоящих яиц. И напечем, наконец-то, пирогов с луком, как ты и хотела!

Анника не ответила. Только часто-часто закивала головой.

Плечи ее вздрагивали от скрываемых слез.

— Петровичу только ничего говорить о серебре не надо, — произнесла Анника, наконец. — А то зазнается и устроит нам тут ад своими капризами. Надо б его найти и загнать домой, чтоб не потерялся. Все же, теперь он наше главное сокровище.

Глава 11

С утра пораньше я отправилась в город. Собиралась отыскать ювелира и продать ему наш клад.

Бедняжка Анника поднялась пораньше. Ей сегодня предстояло заняться поливкой. А это означало таскать много-много ведер воды. Так что ей идти со мной было некогда. Гусят, и тех поручили заботам Петровича.

Так что я сама дошла до города, и сама отыскала ювелирную мастерскую.

И там предложила серебряную скорлупу владельцу мастерской.

Ювелир дал мне за скорлупу целых три серебряных.

У меня даже ноги затряслись, когда он, похмыкивая, отсчитал мне монеты.

Для начала он долго и тщательно проверял серебро.

Рассматривал под огромной лупой.

Пробовал на зуб.

Чем-то капал и тер образовавшееся пятнышко.

И, наконец, рассчитался.

— Милочка, это отличное, прекрасное, очень чистое серебро, — сказал он, с интересом рассматривая мое лицо с огромным синяком. — Где вы взяли его, дорогая?

— Шла по лесу, — радостно сообщила я, невинно тараща глаза и делая вид, что не замечаю его подозрительных взглядов, — запнулась, упала в овраг. Бум лбом! А там это... Клад!

— В овраге? — удивленно уточнил ювелир.

Я так понимаю, что овраг у них место приметное. Может, даже исхоженное вдоль и поперек. Но отступить было поздно.

— Ага! — радостно подтвердила я, замотав головой.

Ювелир нахмурился, но смолчал.

И деньги мне отдал.

И я, радостная, пошла их тратить.

Городок мне понравился. Чистый, тихий, цветущий. Фонтаны, парки, огромные клумбы. Чисто выметенные тротуары и дороги.

И всюду лавки с овощами и с мясом с ферм госпожи Ферро! С ее фирменными вывесками!

Красота! Лучшие плоды, отборные куски.

Ни червоточины, ни изъяна. Все красивое и свежее.

Ну, где тут глупенькой Аннике тягаться? Если только демпинговать, ниже цены устанавливать, и продавать все подряд дешево.

— С другой стороны, — размышляла я, — можно ведь печь пироги, и продавать их, а не лук с грядки... Или вовсе выращивать только для себя. Много ли нам вдвоем надо?

За этими размышлениями я и завернула в лавку с мукой и прочими хлебопекарными радостями.

Анника хотела пирогов — вот и напечем!

Два серебряных я спрятала подальше в кармашек, а один решила разменять. Накупить всякой нужной всячины для дома. Еды, например. А то за пару дней, питаюсь одними огурцами, я проголодалась как волк.

Вот и набрала и муки, и дрожжей, и небольшое сито приобрела. Не утерпела — для себя купила калач, и для Анники булку. И тут же вгрызлась в мягкий сдобный бочок.

— У-у-у, вкусно как! — промычала я.

Чуть язык не проглотила! Съела в один миг, жадно, все до крошки... Бедная Анника! А она-то какая голодная!

— Значит, надо поскорее вернуться на ее огород. А то работает, бедняжка, не покладая рук, а поесть-то и нечего!

Зайдя в другую лавку, купила немного масла, настоящих яиц — то Петровича-то не дожدهшься, — немного крупы и кусочек мяса. Корзинка моя стала очень тяжела, я еле ее волочила.

Ах, а глаза-то разбегались!

В хозяйстве Анники нужно было абсолютно все. И серебряный — это большие деньги. Купить можно было столько всего, что у меня и сил бы не хватило дотащить. Но, боюсь, и одного серебряного не хватило бы, чтобы покрыть все наши нужды...

Помня о своем обещании купить Аннике новые башмаки, я завернула к лавкам с одеждой... да так и встала, как вкопанная, на тротуаре!

Потому что прямо под вывеской модной лавки моя мать слезно рассказывала что-то представителю закона!

А он, хмурия брови, только кивал головой.

— Она не в себе, не в себе! — заламывая руки, повторяла мать. — Понимаете? Упала, ударилась головой... Может, память потеряла?! Иначе б никогда, ни за что из дома не ушла! Да у нее свадьба на носу! Как бы она осмелилась уйти?!

Меня как ледяной водой окатили.

Свадьба на носу!

Значит, от своих планов отдать меня ненормальному Густаву они не отказались!

На матери было новое платье, на пальце колечко, на голове модная шляпка — так-так, а ведь деньги-то баронету она не вернула!

Скорее всего убедила этих двоих недоумков, баронета и его маразматика-папашу, что найдет меня и привезет в дом. Оставила их с отцом дома, наверняка пьянствовать и развлекаться.

А сама помчалась на поиски...

Ну, и поиграть, конечно! Здесь она человек новый. В салонах ее еще не принимали. Даже если и наделает долгов, то всегда можно сбежать!

Значит, она все же рассчитывает, что я отыщусь в ближайшее время...

Ну, а как иначе?

Сами посудите, может ли девушка без денег уйти далеко? И сможет ли прожить впроголодь долго?

Интересно, а почему они на мой трюк с утопленным платьем не купились? Неужто полезли в пруд, выловили его?

Мать, плачась в жилетку полицейскому, так и ощупывала взглядом все вокруг.

Как жуткий пришелец сканером!

И я, чуя приближение ее взгляда, так и заметалась, как Петрович по огороду. Еще миг — и она меня заметит!

Спрятаться определенно было некуда.

А под ее взглядом, казалось, у моих ног уже камни плавились на мостовой!

И я не нашла ничего лучше, как впрыгнуть в чью-то карету и задернуть шторы на окнах!

Это было сделано в последний миг.

В щелочку сквозь бахрому на шторах я видела, как взгляд матери равнодушно скользнул по карете, потом мимо, и она принялась рассматривать какие-то вещи в витрине лавки.

А я еле-еле перевела дух.

На мое счастье, карета была пуста.

Кучер, видно, слегка задремал и не заметил, как я забралась вовнутрь.

И я уж было собралась выбираться из своего укрытия, как за дверцей послышались голоса.

Я метнулась к противоположной дверце, но там были слуги.

Что делать, что делать?!

В панике я затолкала свою тяжелую корзину под сидение, а сама...

Сама накрылась с головой тяжелым меховым пледом. И замерла, не дыша.

Дверца кареты раскрылась, карета чуть качнулась, когда в нее залезли люди.

Кто-то уселся рядом со мной и крепко привалился ко мне боком.

Я дышать перестала.

Второй человек уселся напротив меня.

Дверца закрылась и карета тронулась.

«Ну, отлично! — в панике подумала я. — Вот так сходила по магазинам! Сейчас увезут черт знает куда!

Но что мне оставалось делать?..

Тот, что сел рядом со мной, определенно был мужчина.

Во-первых, он закинул ногу на ногу. Во-вторых, закурил.

А в-третьих, навалился на меня, как на подушку, и приобнял, закинув руку на спинку сидения.

Я сидела ни живы, ни мертва.

Мне и дышать-то было трудно, так он меня стиснул!

А второй человек...

— Итак, госпожа Ферро, — произнес мой нечаянный сосед, тиская меня еще крепче, ну, точно, как подушку, чтоб сделать ее мягче и удобнее. — Чем обязан вашему визиту?

Глава 12

— Не могу наглядеться на ваше красивое лицо! — резко ответила госпожа Ферро.

Судя по голосу, она была еще молода. Ну, уж не старше тридцати пяти.

Голос был звонкий, звучный. Но какой-то металлический, что ли.

Неприятный, в общем.

Мужчина насмешливо фыркнул.

— Какой увесистый комплимент, — ответил он. — Благодарю. Но посмотреть на меня можно просто купив мой портрет. Зачем же утруждаться, самой приезжать? И просить аудиенции?

В его голосе слышался смех.

Веселый и озорной.

Если госпожа Ферро казалась мне отлитой из металла, тяжелой и суровой, то мужчина больше походил на ветер.

Легкий, насмешливый.

А ветер не поймать двумя ломами.

Или что там у госпожи Ферро вместо рук.

— Смеетесь, — прошипела Ферро. Ну точно как змея, нагревшаяся на солнышке.

— Вовсе нет, — весело возразил мужчина. Руку даю на отсечение, он смеялся! Улыбался до ушей!

— Хорошо, — холодно произнесла Ферро. — Хотите по-деловому, так извольте. Я хочу за вас замуж. Срочно.

Тут даже я чуть не закричала от возмущения. И чуть не сбросила с себя накидку. Вот так сильно мне хотелось посмотреть в наглые глаза этой дамы!

Я думала, облюбованный жених рассердится и крикнет что-то злое.

Но он рассмеялся.

— Что, нет? — все так же резко продолжила Ферро. — Брезгуете? Считаете мое занятие недостойным своего положения?

— Вовсе нет, — поспешно уверил ее мужчина. Хотя улыбка в его голосе словно дразнилась, и говорила: «Да-да-да!». — Самая богатая женщина города... Разве можно к этому относиться без должного уважения?

— Но вы же относитесь, — настырно произнесла госпожа Ферро.

— Нет, — мягко ответил мужчина. — Я всегда уважал женщин, которые крепко стоят на ногах и сами всего добились. И ваше дело меня только восхищает.

— Так отчего нет? — нетерпеливо спросила Ферро. — Поверьте, я могу дать вам многое! Я могу делать дорогие подарки. Настолько дорогие, что вам и не снились.

«Купить его вздумала!» — мысленно ахнула я.

— Благодарю, но я богат, — посмеиваясь, ответил мужчина. — Так что подарками вы меня не удивите.

— И все же, — давила мадам Ферро. Танк, а не женщина. — Почему нет?

— Ответ мне кажется очевидным, — спокойно ответил ее собеседник. — Я не люблю вас.

— Я вас тоже! — выпалила Ферро упрямо.

Тут мужчина расхохотался в голос.

Признаться, я тоже хихикнула. Совсем забыла, где и с кем нахожусь!

— Что смешного я сказала? — холодно произнесла Ферро, дождавшись, когда ее смешливый и упрямый жених замолчит.

— Мне показалось, что вы лукавите, — весело ответил он.

Ферро фыркнула насмешливо.

— Чувства! — проговорила она с досадой. Было совершенно очевидно, что она разочарована смехом упрямого жениха. Он ранил ее. Но она изо всех сил это скрывает, хоть и безуспешно. — Да причем тут чувства-то? Я хочу получить не вашей любви, а примерить вашу корону.

«Принц, что ли?» — удивилась я.

— А, решили подойти по-деловому, — кивнул мужчина. — Что ж, вижу, с вами надо говорить на понятном вам языке. Нет.

— Почему? — все так же настырно произнесла Ферро.

Вот прилипала!

— Хотя бы потому, что я хотел бы видеть герцогиней более выгодную партию. Девушку помоложе и поизящнее. Из хорошей семьи. Это, знаете, вопрос престижа.

А, значит, герцог! Ферро хочет натянуть герцогскую корону!

Мне показалось, что Ферро просто зарычала от злости!

«А он, однако, нахал! Сказать женщине, что она недостаточно молода! Да большего унижения и вообразить нельзя!»

Мне даже стало жаль эту Ферро.

— Что может быть престижнее денег? — фыркнула Ферро.

— Порода, — тут же ответил ей герцог. — В вас ее нет. К тому же, вы все же лукавите. Мы начали наш разговор с того, что вы любовались моим прекрасным лицом. Значит, если не любовь, то симпатию вы ко мне испытываете. И хотите потешить свое чувство влюбленности, заполучив желаемый объект. Но я не симпатизирую вам. Ну, ни капли. Ни на столечко. И я же не красивая чашка, которую можно купить в любой лавке. А вам я ничем не обязан, и ваши желания удовлетворять не должен. Поэтому нет.

Ферро злобно сопела.

Я сгорала от любопытства и боялась пошевелиться.

— Вы меня не знаете! — выпалила она злобно. — Я всегда получаю то, что хочу!

Герцог кивнул.

— Интригами, шантажом, обманом, — сказал он. — Я слышал, вы не платите вашим рабочим. Отсюда ваши баснословные прибыли. Это так?

— Нет! — воскликнула Ферро. — Что за чушь вы несете?! Я в суд на вас подам за клевету! Вы не найдете ни одного человека, который скажет такое обо мне!

— Они настолько запуганы? — усмехнулся герцог.

— Ваше какое дело? — окрысилась Ферро. — Занимайтесь своими слугами! Я же не лезу в ваши методы управления вашими людьми! Вот и вы не лезьте!

— А вам и не позволено лезть в мои дела, — голос герцога мгновенно стал холодным, пугающим. — Вы забываете свое место!

Я думала, Ферро спасует. Напугается гнева аристократа.

Но не тут-то было!

— А что с моим местом не так? — высокомерно спросила она. — И чем оно хуже вашего? У меня столько денег, что я имею права ровняться с кем пожелаю!

— Не имеете, — жестко перебил ее герцог. — Одно мое слово, и вас вышибут из города. А к вашим фермам приставят наблюдателей. И ваше благосостояние испарится, словно его и не было. Думаю, давно пора это сделать. А то ваша безнаказанность вселяет в вас ложные мысли о вседозволенности.

Ферро на этот выпад промолчала.

Только сидела и зубами скрежетала.

— Остановите тут! — резко выкрикнула она.

— Это зачем? — удивился герцог. — Мы еще не доехали до вашего дома.

— Дойду сама! — огрызнулась Ферро. — Вот мои огороды! До дома недалеко. За одним и лично проверю, как идут дела!

— Как пожелаете, — галантно ответил герцог.

Он дернул шнурок рядом с моим плечом, и карета замедлила свой ход.

Ферро, пылая от злости, не могла дожждаться, пока та остановится окончательно.

Она распахнула дверцу и с ругательствами выпрыгнула в картофельное поле.

Ветром с меня чуть сдуло плед, и я увидела, как она в желтом шелковом платье и в широкополой шляпе грохнулась в ботву, как будто ей кто-то наподдал пинка на прощание.

Герцога это как будто бы не смутило.

Он преспокойненько закрыл за ней дверцу, и карета рванула быстрее.

— Ну, можно вылезать и не прятаться! — весело сказал он и рывком стащил с меня плед.

— Кто тут у нас?

— Ой! — испуганно пискнула я, закрывая лицо руками.

— Шпионишь? — сурово поинтересовался герцог.

— Вовсе нет! — искренне возмутилась я.

— Тогда как ты тут оказалась?

Глава 13

Этот нахальный герцог обнимал меня просто совершенно недопустимо!

И да, госпожа Ферро была права — у него было просто невообразимо красивое лицо!

И все остальное тоже.

У герцога были синие-синие глаза, каштановые волнистые волосы. Улыбка — словно ослепительный прожектор, парализующая девиц на расстоянии десять шагов, и обаятельные ямочки на щеках.

Ко всему этому прилагался высокий рост, широкие плечи, красивые, но крепкие руки.

И все это было упаковано в прекрасно сидящий костюм и в лаковые ботинки!

Заверните мне с собой, пожалуйста...

При этом его рука, лежащая на моем плече, прижимала меня к нему все крепче.

И он склонялся надо мной все ниже!

А я оказывалась вжатой в его грудь все сильнее и все бессовестнее!

— Руки прочь! — я с криком отпихнула его от себя и забилась в угол кареты. — Я честная девушка, что вы себе позволяете!

— Ничего особенного, — легкомысленно ответил герцог. — Просто небольшой допрос с пристрастием. Так откуда ты взялась, честная девушка, в моей карете? Не припомню, чтобы я продавал билеты на право проезда в ней.

— Мне нужно было скрыться! — выпалила я. — От негодяев! Они меня преследуют! И если догонят, то мне конец! Я спасала свою жизнь, а вовсе не собиралась подслушивать! И уж тем более не пыталась бесплатно проехать в герцогской карете! Да я и не знала, что эта карета ваша!

— Ага, — поддакнул мне герцог с явным недоверием. — Вы думали, что это ваша карета? Или она для всех желающих покататься?

И он снова придвинулся ко мне.

Словно его магнитом притягивало!

— Да и что такого я услышала, — как можно небрежнее продолжила я. — То, что госпожа Ферро в вас влюблена? Фи! Да это и так видно. Тот, кто поумнее, заметит это безо всяких слов!

— Это, пожалуй, не такая уж страшная тайна, — согласился герцог. Его рука снова вскарабкалась ко мне на плечо и сжала его так мягко, но так требовательно, непреклонно, что у меня дух занялся. Это было откровеннее и бессовестнее, чем если б он меня за грудь ухватил!

Я просто захлебнулась собственным голосом. Горячая кровь ударила мне в лицо. С минуту я просто ловила губами воздух, стараясь научиться дышать заново.

А герцог поглаживал мое плечо пальцами.

И ткань платья казалась мне тонкой-тонкой.

Почти невесомой. Словно ее и вовсе не было.

А его рука словно ласкала мою обнаженную кожу...

— Но вот про дела на ее фермах секрет уже повесомее, — закончил он, и меня снова впечатало в его грудь.

Я уперлась обеими руками в его белоснежную манишку и изо всех сил отпихнула его на безопасное расстояние.

— Да про это все знают! — выкрикнула я, пытаясь от усилий. — Что она жульничает и жалованья не платит! Вы не могли бы не наваливаться на меня?! Это не очень-то прилично!

— Карета едет, накренившись на один бок, — тотчас же соврал герцог, не моргнув и глазом. — Поэтому я все время съезжаю к вам.

— А руками вы за меня хватаетесь, чтобы удержаться и не свалиться в пропасть? Пересядьте напротив, и съезжайте сколько вам будет угодно! — выпалила я. — Или нет! Высадите меня здесь! Тут же начинаются огороды госпожи Ферро?

— Вы работаете на нее? — с удивлением произнес герцог. И почему-то посмотрел на мои ноги.

Что он там хотел рассмотреть? Кандалы и пристегнутое ядро на цепи?

Однако, ловко пересел напротив, мгновенно прекратив «съезжать».

И ухватился одной рукой за ручку на дверце кареты, чтоб я не могла ее открыть и выскочить наружу.

— Не хватало еще, чтоб вы выпали и разбились, — произнес он, пристально меня разглядывая. — Тем более, что нечто подобное с вами уже недавно произошло.

На мой синяк намекает, подлец!

Я так и покраснела до ушей.

Ну, что за воспитание, что за манеры! Мог бы сделать вид, что не заметил, что у меня половина лица синяя!

— Очень скользкое сидение в карете попало, — съязвила я. — Съехала и соскользнула наружу, знаете ли. Так можно мне выйти?

— Вы не ответили на мой вопрос.

А он умеет быть жестким, когда надо!

Я вздохнула. Делать нечего, придется ответить на все его вопросы.

— Нет, я не работаю на Ферро, — ответила я как можно увереннее и спокойнее. Хотя внутри меня все колотилось и носилось в беспорядке, как от хорошего торнадо.

— Откуда ж знаете о положении дел на ее огородах? Сплетни собираете, м-м-м?

— Какие еще сплетни? Только факты! Я... остановилась у одной моей знакомой, — туманно ответила я. — Она как раз работает на Ферро. И жалованья не получает уже давно.

— Вот как?

— Девочка круглая сирота, — горько продолжила я. — Заступиться за нее некому. Госпожа Ферро назначила ей жалование в два серебряных в месяц. Но заплатила всего два раза.

— А потом?

— А потом навывдумывала штрафов. Девчонка надрывается на непосильной работе, а выбраться из долгов не может.

— Штрафы? Что за штрафы?

— Например, штраф за кривые огурцы.

— Что?!

— Что слышали. Если на грядке растут неровные огурцы, мадам Ферро не принимает их и не пускает в продажу. А стоимость их вычитает из жалования.

— Seriously?

— Вполне, — кивнула я. — Денег не дает, а огурцами платит. Но на зеленом горохе и огурцах далеко не уедешь. Девчонка работает с зари до зари, надрывается. А вместо денег зарабатывает долги. Она и уйти-то не может потому, что уже не Ферро, а она сама должна денег. Вот так.

Герцог помолчал.

Он великолепно умел скрывать свои чувства, но по его молчанию я поняла, что он потрясен.

— С этим ясно, — произнес он, наконец. — Теперь перейдем к вашей личности.

— Это еще зачем? — насторожилась я. — Можно, я просто выйду? Негоже вам, ваше светлость, простую девушку смущать.

— Простую? — герцог прищурился.

— Простую!

— Простые девушки носят шелковые туфельки и тонкие батистовые рубашки?

Я так и замерла, подавившись всеми доводами, которые хотела ему привести!

Вот что он высматривал, пялясь на мои ноги!

— Я мог бы подумать, что вы украли их, — продолжил герцог, — но туфли подогнаны по ноге. И рубашка как будто б не чинена, новая.

— Нашла на свалке, — тотчас нашлась я. — И подогнала, как могла. И рубашку постирала, и...

— Образование тоже на свалке прихватили? — невинно поинтересовался герцог, неуважительно перебив меня. — Я с вами битый час разговариваю. Ваша речь правильная, не засоренная словечками, которые любят вворачивать простолюдины.

— О, черт...

— Ага. И еще держу пари, вы не местная. Лицо уж больно незнакомое. Я ни разу в жизни вас не видел. Так кто вы, и откуда?

Я молча сопела, испепеляя его взглядом.

Но герцог почему-то плохо испепелялся.

Даже краешек его белоснежной сорочки не занялся!

Еще и улыбался сидел.

— Не хотите говорить? — произнес он с улыбкой.

— Я ничего дурного не сделала! — выпалила я. — Никого не обокрала и не убила! Сказала же — спасаю свою жизнь!

— Спасаете жизнь, — повторил герцог задумчиво. — Значит, убегаете. Значит, за вами погоня. И преследователи ваши жестоки. Настолько жестоки, что вы предпочитаете полуголодное существование на огородах Ферро, нежели попасться к ним в лапы? Они хотят вернуть вас домой?

Меня снова словно кипятком окатило!

На миг мне показалось, что герцог точно знает, кто я и откуда. И вообще все-все знает!

Такой у него был внимательный и проницательный взгляд.

Я ждала, что он вот-вот назовет мое имя!

Но он смолчал.

Глава 14

Высадил он меня на огородах.

Да черт подери!

Мог бы и до дома довести!

Потому что огород — понятие очень растяжимое. А огороды госпожи Ферро и вообще тянутся до самого горизонта.

Я домик Анники нашла только к обеду.

Еле дотащила свою корзину.

— Я уж думала, что с тобой что-то случилось! — со слезами на глазах воскликнула она, увидев меня. — Ах, я так переволновалась! Думала, тебя прибили из-за серебряных скорлупок!

— Да вот еще, — буркнула я, втаскивая корзинку на стол. — Там серебра совсем чуть. Разве из-за этого убивают?

— Убивают и за меньшее, — ответила Анника серьезно.

А про то, удачно ли я сходила, она спрашивать не стала. Увидела мою корзинку и все поняла.

У нее глаза так и разгорелись.

— Будут тебе и пироги, и наваристая похлебка! — сказала я, выгружая продукты на стол.

— А у нас тоже новости есть, — Анника вздохнула. — Вот не знаю, радоваться или плакать.

— Что такое?

— Госпожа Ферро выплатила жалование за прошлый месяц! — Анника показала мне два серебряных. — Похвалила и даже штрафов не назначила!

— Ух ты!

Значит, напугалась герцога госпожа Ферро.

Поспешила хоть небольшие деньги дать, чтоб ее не обвиняли в мошенничестве. Вот же, заплатила — о каком рабском труде идет речь?!

— Я спросила ее, не продаст ли она мне этот дом и часть огорода, — убито продолжила Анника. — И та заломила цену в шесть серебряных! Понимаешь? Этот крохотный домишко, и пять шагов огорода — шесть монет! Виданное ли это дело? Она предложила даже мое жалование записать в счет будущей покупки. Но я не согласилась. Мало ли. Она может забыть, что деньги у меня взяла, или еще что...

— Ну, ничего, — оптимистично ответила я, добыв в кармане свои серебряшки. — Четыре монеты у нас уже есть. Осталось дожидаться очередного яйца от Петровича, и...

— В том-то и дело, — воскликнула Анника, — что Петрович больше не несетя!

— Как так? — удивилась я.

— Ну, вот так, — Анника развела руками. — Он сегодня приглядывал за гусятами...

— Воровал у них еду, ты хотела сказать!

— Ну да, — кивнула Анника. — А я присматривала за ним. Очень хорошо присматривала, ты не подумай! Он всегда был при мне, в кусты не отходил. Знаешь же, как он орет, когда несетя. А тут ничего. Даже намек не было!

— Хм, хм, — это обстоятельство, признаться, меня здорово огорчило. Я на Петровича рассчитывала. — Ну, давай подождем еще. Он же молодая курица. Может, поэтому несетя не каждый день?

— Я не курица! Я петух! — встрял неугомонный Петрович. Оказывается, все это время он крутился у нас под ногами и подслушивал. — Я петух! Сказал же вам!

— А яйца твои — что это было?

— Гормональный сбой в организме! — тут же нахально ответил Петрович. — Один раз не... не считается, в общем. Так что яиц от меня не ждите!

— А еще, — желчно добавил Анника, — он гусят учит плохому!

— Это еще чему? — удивилась я.

— Плохим словам!

— Слава богу, они говорить не умеют! — всплеснула я руками. — Так чему он их учил?

— Орал непотребства на прохожих. А гусят учил шипеть и за него заступаться!

— Петрович, это еще что такое?!

— Что такое?! — взъерошил свои три пера Петрович. — А кто им разрешал тут отираться? Я тут единственный мужик на всю плантацию. Кто вас защитит, если не я?

— А, так ты нас и наше добро защищал?

— Ну, конечно, — насмешливо фыркнул Петрович. — Я ж не дурак, просто так на людей кидаться. А чего они шныряют тут? Подсматривают?

Да, в самом деле, чего б кому-то здесь ходить и высматривать?

Я сразу вспомнила о погоне за мной.

Может, это меня искали? И в городе тоже наверняка искали.

А я, на мое счастье, была в герцогской карете. Может, мои преследователи поищут, не найдут, да и уйдут из города, искать в другом месте?

— Ладно, — вздохнула я. — отогнал незваных гостей — спасибо. А теперь давайте корзину разберем, есть ужасно хочется.

Сегодня настроение у меня было приподнятое, несмотря на все негативные новости. Хотелось приготовить что-то особенно вкусное!

Но раз уж сошлись на пирогах, то так тому и быть.

Пока я замешивала тесто, Анника лопала принесенную для не булку и запивала ее отваром трав.

— Сегодня у меня выходной, — сообщила она мне с набитым ртом. — Госпожа Ферро даже не велела траву дёргать, хотя ееросло у забора немало. А распределительница против ее слов не пойдет.

— Это же хорошо, — сказала я. — Хоть день отдохнешь от их ненужных заданий. Приноси-ка мне лука!

Анника живо сбегала за зеленым луком и отварила яиц. И нам на пироги, и гусятам.

Прожорливый Петрович склевал в одиночку целое яйцо! И еще потаскал скорлупы из ведра.

Вид у него был такой, будто ему абсолютно все равно, что есть.

Гусятам мы нарубили яиц, добавили туда зелени. Анника еще яичной скорлупы натолкла мелко-меленько. А Петрович показал место, где водятся жирные улитки. В общем, наша пернатая команда отобедала хорошо.

Пока тесто поднималось, я поставила вариться мясо.

Пироги кончатся скоро; да и их можно есть холодными. А вот похлебка — это горячий наваристый мясной суп! Как давно Анника его не ела?

Подлый Петрович исхитрился поклевать поднявшееся тесто из миски. Насилу прогнала его со стола. Что за наглая птица!

Но он и в наши рубленные яйца с луком попытался свой наглый клюв сунуть, пока я их перемешивала в большой миске и подсаливала.

Я даже огрела птицу деревянной ложкой по голове.

— Будешь так себя вести, отправишься в котелок вместе с говядиной! — пригрозила я. — Яйца нести ты не хочешь, толка от тебя никакого. Так что...

— А охранять вас кто будет? — нахально парировал Петрович, расклеывая кусок булки, оброненный Анникой.

— Ну, уж не для облезлой курицы это дело!

— Да? Да? Пока что только у меня и получилось!

Вот что с ним делать?..

Сковородка у Анники была совсем маленькая, на четыре пирожка.

Поэтому я для начала настряпала побольше, выложила их на столе, присыпанном мукой.

А уж только потом поставила сковороду на огонь и вернулась достряпывать.

— Где же нам раздобыть еще два серебряных? — размышляла Анника.

Она мне всю помогала.

И масла налила в сковороду, и уложила в него пироги, когда масло раскалилось.

И переворачивала с бока на бок деревянной лопаточкой, когда одна сторона пирога зажаривалась до золотистой корочки. И готовые пирожки в глубокую миску складывала.

Я только успевала лепить новые.

У Анники не хватило терпения подождать, пока все пироги испекутся.

Она ухватила самый нижний, который уже немного остыл, и разломилла его.

От начинки шел парок, тесто вкусно пахло.

Я рассмеялась и плеснула ей в кружку молока.

И Анника слопала пирог в мгновение ока, дуя на горячее лакомство и прихлебывая молоко.

— Слушай, может, нам пироги продавать? — воскликнула она. — Ну, очень вкусно! Ничего вкуснее не ела!

Глава 15

Герцог все не шел у меня из головы.

Надо же, какой хороший человек! Только слово сказал, а Ферро так напугалась, что вон сама побежала деньги раздавать!

Одно из двух: или она правда так герцога боится, или любит его без памяти. И хочет в его глазах быть хорошей. И ей невыносима мысль, что он станет считать ее дурной и испорченной.

Я думала о герцоге, вспоминала его веселую улыбку, его открытый взгляд, смешливые искры в глазах, и злилась на себя все больше.

— И чего он лезет мне в голову, — ворчала я.

Но итак было понятно.

Герцог был слишком красив, чтобы о нем можно было просто забыть!

А я...

А что я?

Всего лишь несчастная бедная девушка. Да, именно бедная.

Ведь домой, к кружевам и кринолинам, я вернуться не могу. Меня там живенько сцапают и отдадут Густаву Октавиану. Мало кого заинтересует мое желание привести себя в порядок и продолжить знакомство с герцогом.

Тем более, что это знакомство совсем не гарантирует, что он как-то поучаствует в моей судьбе.

Ну, серьезно.

Не станет же он выплачивать долги матери перед сумасшедшим баронетом и спонсировать ее дурные привычки?

Да, если честно, я и против этого!

Она будет деньги проматывать, а ей кто-то станет потакать? Ну, уж дудки!

Значит, оставалось одно: не думать о герцоге вообще.

И как-то самой выбираться из нищенского положения.

— Ну а что... выкупить домик, заняться разведением овощей и цветов. На базаре и цветы продают, я видела! Роза Анники очень редкая. Ее можно развести и продавать букетами. И отростками. И гусей пасти. И...

Но что бы я не выдумывала, все было ничтожно мало.

Даже если я заведу полный кошелек денег, герцог и не посмотрит в мою сторону.

Да еще и коварный Петрович перестал яйца нести.

Любые.

Не говоря уж о драгоценных. Вот же досада!

Если б Петрович продолжил это благородное дело, то мы б с Анникой быстро выкарабкались из бедности. Но он завязал. Кажется, и правда обратился в петуха. У него даже гребень стал больше и краснее. И все лысое туловище покрылось короткими темными пенечками. Это отрастали новые перья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.